

АЭХК
ПРЕДПРИЯТИЕ ГОСКОРПОРАЦИИ «РОСАТОМ»

Дорогие читатели!

В этом году исполнилось бы 100 лет первому директору Ангарского электролизного химического комбината Виктору Федоровичу Новокшенову.

Для Ангарска он стал человеком-легендой, целой эпохой и примером, как нужно жить, работать, руководить. Он первым в стране ввел на АЭХК пятидневную рабочую неделю, беспрепятственно развивал производство и вкладывал душу, знания и опыт в дело всей своей жизни.

За ним навсегда закрепилось звание «Народный директор», потому что, невзирая на трудности, обстоятельства, он в первую очередь всегда думал о людях, с которыми работал.

На комбинате и в городе Ангарске он оставил частичку себя. Это его вклад в вечность. Он – инициатор известных мозаичных панно на «квартиральных» хрущевках и создатель картинной галереи на промплощадке. «Ермак» и «Современник» тоже ассоциируются с его именем, его временем.

Столетие Виктора Федоровича для города и комбината – важное событие, повод для гордости и возможность еще раз вспомнить о вечных ценностях, из которых состоит наша жизнь.

С уважением,
Игорь Валентинович Петров,
генеральный директор АО «АЭХК»

13 апреля 2015 года исполняется 100 лет со дня рождения Виктора Федоровича Новокшенова – первого директора Ангарского электролизного химического комбината. Время «отшлифовало» события, и теперь все более отчетливо видна значимость его дел и идей.

Он был не просто первым директором нового комбината, он был одним из пионеров ядерного проекта страны. А быть первым всегда сложно: в предельно короткие сроки строить новое производство, создавать с нуля коллектив и набирать опыт, которого в стране еще не было.

Тогда знающие люди говорили: «В Советском Союзе было не пятнадцать социалистических республик, а на одну больше – правда, шестнадцатая на карте не значилась. Это было настоящее «государства в государстве» с именем Минсредмаш». Колоссальные задачи и небывалый размах! И Новокшенов виртуозно справился, правда, этого ему было мало. Он постоянно модернизировал производство, искал способы повышения эффективности труда и увеличения мощностей, старался найти возможности сделать труд и жизнь работников не только комфортными, но интересными и насыщенными. Он строил не просто жилой массив – он возводил город будущего: яркий и уютный.

В.Ф. Новокшенов на десятилетия вперед определил векторы развития не только комбината, но и многих сфер городской жизни. Посмотрите, его уже давно нет с нами – а помыслы находят отклик в сердцах ангарчан и вдохновляют нас. Лучшее тому подтверждение – ледовый Дворец спорта «Ермак». Ведь именно Виктор Федорович Новокшенов мечтал построить в Ангарске современный крытый хоккейный стадион. Он не успел, но прошли годы, и его идея реализовалась. И теперь заслуженно Дворец спорта «Ермак» носит его имя.

Нам повезло стоять у истоков атомной промышленности, внести свой вклад в создание сложного, наукоемкого и востребованного страной производства. Это были очень трудные, но захватывающие и счастливые годы, подарившие нам таких уникальных руководителей и истинных патриотов, как Виктор Федорович Новокшенов. И пусть он служит ориентиром не только для нас, но и для будущих поколений ангарчан!

**Виктор Пантелеймонович Шопен,
экс-директор Ангарского электролизного химического
комбината, почетный гражданин города Ангарска,
депутат Законодательного собрания
Иркутской области**

*Наш век пройдет. Откроются архивы,
И все, что было скрыто до сих пор,
Все тайные истории извывы
Покажут миру славу и позор.
Богов иных тогда померкнут лики,
И обнажится всякая беда,
Но то, что было истинно великим,
Останется великим навсегда.*

Николай Тихонов

Первый, народный, легендарный... Таким был и останется в нашей памяти Виктор Федорович Новокшенов, директор Ангарского электролизного комбината, построивший его и возглавлявший родное предприятие 30 лет. За скупыми строчками официальной биографии – время колоссальных перемен в истории страны и его народа, годы тяжелых испытаний и безмерного подвига.

Виктор Федорович был истинным сыном своей эпохи, как никто другой символизирующий ее идеи, помыслы и достижения: стремительный, кристально честный, неординарный, решительный, фанатично преданный работе, креативный, романтичный и обаятельный, всецело влюбленный в жизнь и уважающий человеческую личность.

Он наряду с великими и малоизвестными созидателями советского атомного проекта – творец ядерного века. Именно эти люди, жившие под грифом «Совершенно секретно», смогли создать ядерный щит и заставили атом мирно работать, тем самым подарив нашей стране будущее, независимое и самодостаточное. Их многое объединяло: неподдельная

любовь к родине, их воспитавшей, мощь дел и знаний, непостижимая для нашего времени самоотдача и цельность. Они были настоящими. Без тени притворства и позерства.

Масштаб личности Виктора Федоровича Новокшенова не заканчивался на проходной комбината, а его дела не оборвались с уходом... Поэтому 100-летний юбилей первого директора – знаменательное событие не только для коллектива АО «АЭХК», но и для жителей нашего города. Ведь мы живем в домах, проекты которых подбирал для «квартала» лично Новокшенов; наши дети занимаются в кружках ДК «Современник»; многие – ярые болельщики хоккейной команды «Ермак»... И это далеко не полный список того, что сделал этот человек для нас. А значит, у каждого горожанина есть повод с благодарностью вспомнить Виктора Федоровича Новокшенова – человека, без которого Ангарск был бы совершенно другим городом.

Алексей Александрович Мартынов,
председатель ППО АО «АЭХК»

ПУТЬ СОЗИДАНИЯ

Виктор Федорович Новокшенов – первый и легендарный директор АЭХК, навеки вписан в историю атомной отрасли СССР и России, а также Ангарска – города, ставшего для него родным.

В его активе много достижений, но сегодня мы вспомним о главных!

СТРОИТЕЛЬСТВО И ПУСК В ЭКСПЛУАТАЦИЮ Ангарского электролизного химического комбината с заводами по обогащению урана и производству гексафторида урана.

Специальное Постановление № 409-179 об образовании предприятия «Почтовый ящик № 79» – будущего – АЭХК было подписано Советом Министров СССР 10 марта 1954 года, а уже 21 октября 1957 года, в 4 часа 18 минут, были включены в работу первые 308 диффузионных машин электролизного завода и начат отбор товарной продукции. Первая партия обогащенного урана была выработана 28 октября 1957 года в 21 час 35 минут. В те годы комбинату была отведена роль поставщика гексафторида урана малых степеней обогащения, служащего сырьем для создания продукции оборонного назначения. Позднее урановая продукция комбината стала использоваться только для изготовления специальных тепловыделяющих элементов атомных реакторов мирных электростанций.

8 мая 1961 года комбинат первый в стране был переведен на 5-дневную рабочую неделю, что не снизило, а увеличило производительность труда.

22 июля 1966 года Указом Президиума Верховного Совета СССР АЭХК награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Сначала разделение изотопов осуществлялось методом газовой диффузии. С начала 1970-х и до 1985 года проводилась модернизация газодиффузионного завода, что позволило увеличить его производительность в два раза по сравнению с проектной без увеличения количества потребляемой энергии и производственных площадей. Также была осуществлена реконструкция завода по производству сырьевого гексафторида урана, не имеющего аналогов в мире. Разработаны новые технологические процессы и оборудование по производству фтора и фтористого водорода.

При В.Ф. Новокшенове начата работа по переходу с диффузионного метода обогащения урана на газоцентрифужный со значительным увеличением производительности, уменьшением удельного энергопотребления и, как следствие, существенным улучшением экологической обстановки в регионе

НЕИЗВЕСТНЫЙ, которого знали все

Этот очерк должен был быть опубликован в газете «Известия» тридцать лет назад. Более того, он не только был подготовлен к печати, но уже и набран в металле. Однако, по соображениям секретности, «Письма с атомного комбината» тогда были сняты.

Многих, о ком идет речь, уже нет в живых, как нет среди нас и главного героя очерка Виктора Федоровича Новокшенова. Сегодня, 13 апреля 2015 года, ему бы исполнилось 100 лет. Поэтому мы хотим рассказать вам о человеке, с именем которого неразрывно связана история Ангарска.

Слово Леониду Шинкареву, корреспонденту «Известий», и его «ПИСЬМАМ С АТОМНОГО КОМБИНАТА».

Виктор Федорович сказал:

- Существуют две угрозы для человечества: ядерное оружие и художественная самодеятельность.

Наверное, это суждение могло бы вызвать улыбку даже у клубных работников, во всяком случае, у тех, кто не утратил чувства юмора. Но жители атомного городка примут эти слова всерьез. Потому что всех здесь, если точно, почти всех, отличает и роднит удивительное взаимное понимание, когда верх одерживает не форма, но только спрятанный в ее одеждах смысл.

Мне суть шутки стала доступна позднее, а в то утро я сидел на траве и улыбался, так ничего и не поняв.

Виктор Федорович в синем тренировочном костюме разминался и толкал ядро. Кого-то из знакомых он напоминает поразительно - и своей борцовской огромностью, и добрым, умным, сильно близоруким лицом, и чисто русской склонностью к размышлениям. Ну да, конечно же. Если услышать, что он придется правнуком Пьеру Безухову, то не удержать восклицания: «Вылитый прадед!»

У директора атомного комбината не литературные - вполне реальные предки, далеко не графской породы: дед был вятским крепост-

ным. Никогда раньше, знакомясь с людьми, я не проявлял такого пристрастия. Но здесь, кого ни спросишь, биография так правильно выстроенная, что к любой можно ставить революционный эпиграф: кто был ничем, тот станет...

Виктор Федорович строил атомный комбинат от «первого пня» - тут нет преувеличения: был густой лес, был открыт счет в близлежащем отделении банка и была первая техника - мотопила... Где-то далеко остался урановый завод, переходный от научной лаборатории к предприятию, там начинал он аппаратчиком и вырос до начальника цеха, а теперь выпала ему судьба (многие считают, счастье) - самому строить и стать первым директором крупнейшего атомного предприятия. Первым - потому что до него приходили в новую промышленность директора из других отраслей: он первый, кого подняла из глубин своих атомная индустрия.

Сочетание слов «строила вся страна» привычно вызывает в воображении Братскую ГЭС, газопровод Газлы - Урал, город Ташкент...

И хотя мне знакомы эти стройки, их размах и неизбежные ассоциации, все-таки лишь в этом лесу понял я до конца, что значит навалиться действительно всей страной.

Между прочим, прежде оборудования пришел на площадку вагон с книгами - 20 тысяч томов раздобыли и выпросили на других предприятиях и в первом же помещении разместили техническую библиотеку: эта подробность поможет нам кое-что понять.

Прежде чем понятным станет смысл директоровских слов о самостоятельности, надобно узнать моменты из истории комбината. Хотя бы такой: он первым из крупных предприятий страны, по собственным расчетам и своей инициативе, перешел на пятидневную рабочую неделю. Это случилось в ту пору, когда у нас и разговоров об этом не велось. Виктор Федорович так объяснил решение на совещании директоров заводов и ведущих специалистов: на автоматизированном производстве рабочий перестает быть частицей сложного механизма, он свободен от необходимости непосредственного вмешательства в технику, потому на первый план выходит сама человеческая личность. Условия для развития личности - это условия для успеха предприятия.

Первый результат превзошел все ожидания - это выговор Виктору Федоровичу за самоуправство (так иногда звучит один из псевдонимов инициативы); через несколько лет о взыскании забыли, а Виктора Федоровича пригласили в Москву делиться опытом - пришла пора переходить на пятидневку всей стране. Не будем искать в этом особую прозорливость, но согласимся, что широкий подход тут налицо.

«Атомный комбинат, - рассказывали мне в Москве знающие люди, - самое совершенное производство. Институты и конструкторские бюро работают над каждым узлом, и уже не видно, что еще можно улучшить. Многие директора автоматизированных предприятий почти и не обращают внимания на конкретные технические проблемы, они сосредоточили усилия на производственных и организационных вопросах. Но Виктор Федорович всегда находит, как усовершенствовать автоматику еще и еще...»

Мне трудно понять существо его инженерных исканий, но два обстоятельства свидетельствуют, что он занимается этим не безуспешно: ряд патентов на изобретения (напомню, он лауреат Государственной премии СССР) и памятная медаль, которой наградила его Институт атомной энергии имени И.В. Курчатова «За долголетнюю и плодотворную деятельность по развитию атомной

науки». Между прочим, над его рабочим столом висит еще свиток, написанный старославянской вязью: «Грамота судящему, неподкупному, долготерпящему нареченному Виктору сыну Федора от народа православного, КВН всегда смотрящего, юбиляру сему славному, честный суд всегда творящему ...» - он постоянный член жюри КВН.

В этом человеке один интерес порождает другой интерес, а тот вызывает третий... Если позволять физики, то такое состояние неординарной, богатой природы можно было бы назвать цепной реакцией интеллекта.

Мне хотелось узнать, чем берет атомный комбинат - почему со всех точек зрения он стоит выше многих других прославленных предприятий по культуре производства, по дисциплине, по показателям. Виктор Федорович сказал:

- Представьте две футбольные команды примерно одинакового уровня. Но в одной нападающие чуть точнее бьют по воротам, защитники чуть быстрее бегают, вратарь чуть реактивнее. И перевес состоит на этих по отдельности взятых чуть-чуть.

Так стал понятен мне главный принцип: во всем добиваться превосходящего «чуть-чуть» - профессиональности, истинности, мастерства. За

что бы ни брался человек, все обязан делать всерьез, с полной отдачей. Каждый, по его мнению, на каком бы участке ни был, должен знать - справляется ли он с делом на высшем уровне. Никто не имеет внутреннего права делать что-то лучше, а что-то хуже. Потому любой человек должен сам знать себе цену - что он умеет и что ему не по силам.

На атомном комбинате не знают, что значит первый сорт, второй. Не бывает такого. Если продукция получена - она высшего качества. Если нет высшего качества - значит, нет и самого продукта.

И это справедливо должно быть применительно не только к делящимся материалам, но к любой вещи. Понятно, пока спрос опережает предложение, пока надо столько, что поскорей давай, трудно этого добиться.

Но ведь придет, наверное, время, когда во всех отраслях существовать будет только один сорт, высший. Все остальное не будет иметь права называться продукцией: ни ботинки первого сорта, ни костюм второго сорта, ни колбаса третьего сорта - только высший.

Итак: профессионализм - да, имитация - нет. Стоит рассказать, как осуществляется этот принцип в сфере управленческой и организационной.

– Когда в министерстве на коллегии Новокшенова утверждали директором, Виктор Федорович сказал: «Но вы, надеюсь, поможете?» На что министр ответил: «Поможем, поможем, ты в Ангарске, мы в Москве, расстояние между нами 5 тысяч км и время — пять часов разницы. Поможем!»

Из книги Нины Прокофьевны Новокшеновой
«Мы жили в неизвестных городах»

Тут не место для трактата, хотя он был бы поучителен, а только отрывки из наблюдений. Кому-то надобно попасть к директору комбината. Он не приходит в приемную, не толкается среди других, ожидающих очереди, не коротает время с секретаршей. Ему следует до 9 часов утра позвонить в приемную, и он услышит точный час и минуты, когда его примет директор. График, составленный на день секретарем и одобренный директором, дисциплинирует не только посетителя - директора тоже.

Ни одно производственное совещание здесь не продолжается больше часа: это давний и никем не нарушаемый закон. «Совещание может задерживаться по двум причинам, - любит говорить Виктор Федорович, - или директор ничего не понимает в вопросе, или собрал некомпетентных людей». За последние 14 лет здесь не помнят случая, когда бы совещание затянулось. Иное дело - технический совет: тут, напротив, дают всем высказаться до конца, сколько угодно спорить, всячески приветствуя при этом остроумный ход мысли и шутки.

- Что требует от современного директора? - спросил я однажды Виктора Федоровича.

- Умение принимать неожиданные решения.

Мне рассказывали случай: шла под уклон грузовая машина мимо насосной. Дорога обледенела, машину понесло юзом. Женщина - вахтер насосной - бросилась к ней открывать дверцу и повредила себе руку. Чрезвычайное происшествие - нарушение техники безопасности. Принесли проект приказа на взыскание. Виктор Федорович возразил: она же рисковала, чтобы спасти шофера, выдать ей премию пятьдесят рублей.

- Когда знают, что руководитель может выкинуть номер - все начинают думать, - говорит

«Виктор Федорович отличается от многих других директоров храбростью», - сказал мне о нем его друг - академик И.К. Кикоин.

Виктор Федорович, - надо иногда бывать парадоксальным.

Ему не по душе показной демократизм директоров, которые могут похлопать в цеху рабочего по плечу и спросить: ну, как здоровье твоего племянника? По его принципам, истинный демократизм руководителя состоит первым делом в способности создать на предприятии условия, при которых будет хорошо работать и жить самому дяде и всем его племянникам. Демократизм руководителя здесь имеет свои оттенки. Был случай: на участке возникла опасная зона. Диспетчер комбината моментально разыскал Виктора Федоровича (его местонахождение известно в любую минуту суток). Он не успел надеть пневмокостюм, только противогаз подали ему на ходу, и он скрылся в густом тумане. Всем известен его принцип, который повторяет он директорам заводов и начальникам цехов: не опекай подчиненных, доверяй им во всем, но если работа связана с риском - иди сам. И он пошел... Никто не помнит, сколько в точности прошло минут, когда директор комбината снова возник из тумана. «Нашел, давайте сухой лед...» Он выглядел совершенно спокойным, нервы ничем не выдавали его.

На современном атомном производстве храбрость руководителя имеет отличные от привычных представлений черты. Ошибка в одном звене может привести к тяжелым последствиям, а принимать решение надо по всей цепи: тут нечего делать авантюристу, нельзя рисковать бессмысленно. Храбрость - в понимании производства и доверии к людям, с которыми надо осуществлять идею.

Мне рассказывали про И.В. Курчатова: он избегал категорических утверждений, предпочитая оборот «хотя я мало что в этом понимаю, но не кажется ли вам...». И говорил такое, что

обнаруживало глубочайшее знание предмета и принималось тотчас к исполнению. В этой форме ничего не было от наигранности или этакого академического кокетства, не было даже оправданного стремления не ущемить самолюбия других. А скорее, было в той форме выражено подлинное, глубокое осознание действительной ограниченности наших знаний, а поэтому требование думать и искать союзца, чтобы добиться максимального результата.

Теперь вы понимаете, почему на комбинате первым делом пускали не завод, а техническую библиотеку?

Самодеятельность во всех ее видах хороша, так сказать, во вне рабочее время: на работе - только профессиональность, только самый высокий уровень.

Сидим дома у Виктора Федоровича за столом, обедаем. «Я рискую прослыть нахалом, но можно еще одну картошку?» - спрашивает он у жены, улетающая за обе щеки, и я чувствую, что мне не удастся совместить разных Викторов Федоровичей в одного Виктора Федоровича. Ну как представить себе крупного организатора атомной промышленности таким, каким я видел его на празднике за городом в лесу? На деревьях трепетал флаг, испещренный химическими формулами (я не сразу понял, что это формулы самогона), на траве разостланы скатерти со снедью, а директор комбината в длинных синих трусах и в майке, подняв босыми ногами на пень и отгоняя от лица комаров березовой веткой, под звуки оркестра вручал премии работникам предприятия - они подходили в том же одеянии, что и директор, а иные и вовсе без майки. Признаться, мне не приходилось никогда раньше встречать такую непосредственность торжества. Впрочем, в среде атомщиков мне ведь тоже

бывать не доводилось, а эта естественность - их определяющая черта.

Раздумывая над личностью Виктора Федоровича, над его поступками, я прихожу к мысли: это нельзя, как атом, расщепить на элементарные частицы - это надо принимать в целом.

В семье Виктора Федоровича обстановка простая, любящая, заботливая. Три года назад, когда предстояло отмечать его пятидесятилетие, сдало сердце - он лежал с инфарктом в больнице, и врачи сильно опасались за него. Нина Прокофьевна в тот год родила ему второго сына, кучерявого Кольку - вылитого отца, а вернее сказать, маленького Пьера Безухова. И случилось такое, чего не могли предвидеть врачи - Виктор Федорович поднялся. Малыш вернул его к жизни. «Нина Прокофьевна тогда совершила подвиг», - это говорят женщины городка, а женщины, как известно, зря о других женщинах такое не скажут.

В их квартире во всю стену словно бы выставка отличных фоторабот - круглые по размерам портреты обоих сыновей. На дверях в гости-

ную приколочена афиша гастролирующего здесь театра музыкальной комедии. Даты обведены красными кружочками - один кружочек, если кто-то один сумел пойти на спектакль, но больше по два кружка, когда удавалось выбираться вместе. Устои семьи столь притягательны, что к ним приходят за советом смущенные женщины, а местные ловеласы стараются не попадаться им на глаза - не из-за служебной власти Виктора

Федоровича, а скорее, пасуя перед нравственной безупречностью этого семейного очага.

И здесь они оба требуют истинности и чистоты. «Это у нас железно», - говорит Виктор Федорович.

Его словарный запас сбивает с толку своим диапазоном: от лексики физики к изысканным оборотам в высоком обществе до языка подростков во дворе: «Ни фига у нас не вышло», «Здесь мы поднасобачились», «Тут мы их обштопаем». Но, прислушиваясь к речевым пластам, чаще других улавливаешь одно слово - схема... «Сегодня у нас такая схема: обед, разговор, пионерлагерь». Это слово «схема» кажется случайным в его языке - оно идет от отношения к жизни как к организованному и вполне устойчивому началу.

Теперь, если бы меня спросили, что в Викторе Федоровиче главное, я бы ответил так: неподдельность, лучше сказать - во всем настоятельность.

Мне выпадало видеть многие производства, часто крупные и значительные, и нисколько не жалею, что рассказывал о них как умел. И только теперь, повидав комбинат и людей урановой промышленности, я почувствовал, что писал раньше про кустарник, хотя рядом растет огромный лес, всех нас укрывая в своей тени.

ГОРОД БЕЗ ОКРАИН

Вместе с новым мощным комбинатом рос и город Ангарск, в который приехали тысячи специалистов, лучших в своей отрасли. Вот что вспоминал об этом уникальном времени Иосиф Самуилович Лихтер, работавший с первых дней инженером по комплектации основного технологического оборудования УКС.

«Я приехал в Ангарск в мае 1956 года. На моих глазах на пустом месте построился и стал работать огромный комбинат, вырос целый город – культурный, благоустроенный, современный. «Город без окраин» – так мы называли Ангарск. В 1950-1970-е годы по всей нашей огромной стране строились десятки соцгородов, вступали в действие новые предприятия, их было много. Однако об Ангарске знали во всех уголках страны. Я это утверждаю со всей уверенностью, так как по делам службы бывал во многих местах, и всюду стоило только упомянуть, что я из Ангарска, как совершенно незнакомые люди начинали проявлять большой интерес, расспрашивать о нашем городе: какой он, как выглядит, какой климат. Находились и такие, кто был уверен, что на улицах Ангар-

ска можно встретить медведей, волков и даже рысь.

Ангарск стал моей второй родиной, а комбинат, где я проработал 42 года, стал родным домом. По прибытии я впервые близко познакомился с Виктором Федоровичем Новокшеновым. Благодаря удивительным способностям этого человека, его энергии, обширной эрудиции и кругозору удалось в сжатые сроки построить и начать эксплуатировать огромное предприятие и жилой район. Он одинаково грамотно решал как сложнейшие технические вопросы, так и экономические, и организационные. Как у всех волевых и сосредоточенных людей, у него была великолепная память, он не забывал даже о самых незначительных мелочах, с сотнями сотрудников был знаком лично, мог безошибочно судить об их деловых качествах, знал их нужды и чаяния. Отстаивая свои взгляды, он «не ломал шапку» перед министром, но и мог внимательно и серьезно относиться к деловым предложениям самого простого работника. И все эти качества у него сочетались с удивительной простотой и скромностью в отношениях с людьми.

И хотя мне от него не единожды перепало, я до конца своих дней буду с большой теплотой вспоминать этого человека.

В мае 1956-го весь коллектив комбината состоял из 25 человек, но вскоре начал быстро увеличиваться. У первого корпуса стояли только стены без крыши, готовых складских помещений тоже не было, строилась база оборудования (впоследствии склад № 62), были заложены фундаменты здания № 11 (склад № 98). Официально работал только УКС (руководитель В.М. Кулаков), а при УКСе – отдел оборудования (руководитель Л.И. Коврижкин), куда я был зачислен инженером по комплектации основного технологического оборудования.

До этого я пять лет отработал в Свердловске-44, следовательно, не был новичком в этом деле. Естественно, я задавал вопросы руководству, когда предполагается поставка оборудования, но никто мне не мог сказать ничего определенного. Поэтому я испытал что-то вроде шока, когда, знакомясь с делами, обнаружил, что в спецотделе предприятия хранится

оформленный по всем правилам договор с Кировским заводом на поставку во втором полугодии 1956 года 800 машин Т31У (позднее Т-52), да еще с правом досрочной поставки. Теперь это кажется курьезом, но тогда было не до шуток. До начала поставки оставалось не более месяца, а у нас была недостроенной база оборудования, из грузоподъемных механизмов имелось только два трехтонных автокрана, не было такелажников, не было даже стропов. Когда я доложил Новокшенову о наличии договора, он, как мне показалось, вначале даже растерялся, по крайней мере, дал мне задание срочно разослать телеграммы в министерство и на Кировский завод о том, что мы не готовы к приемке таких грузов, а потому просим поставку не производить. Телеграммы я отправил, но сказал Новокшенову, что это бесполезно, так как остановить такое огромное производство, как на Кировском заводе, так и у его смежников (в Омске, Харькове и Ижорах), невозможно. Впрочем, он и сам это понял и начал действовать со всей решительностью. В короткий срок были закончены приемные ramпы на базе оборудования, к ним проложены железнодорожные пути.

Территория была спланирована, выстроен огражденный забор. К счастью, к нам поступил пятитонный автокран, а также бульдозер на базе трактора С-80.

Новокшенов самолично набирал такелажников, крановщиков, вникал и разбирался во всех подробностях предстоящей работы, согласовывал вопросы режима, пожарной безопасности, учета, хранения, добился предоставления комбинату обменного фонда железнодорожных вагонов. Разумеется, он действовал не в одиночку, мы помогали ему как могли, но он умел правильно поставить задачу и строго спросить за исполнение. В результате, когда прибыл первый транспорт (40 четырехосных вагонов), он был разгружен, хотя и с немалым трудом.

В начале 1957 года закончилось строительство склада № 98. Правда, в здании не было отопления, не были смонтированы мостовые краны, да и складской персонал полностью отсутствовал, но все-таки это было крытое складское помещение, где можно было хранить изделия, боящиеся атмосферных осадков.

Так как немногочисленный рабочий персонал был занят на базе оборудования, то для разгрузки на складе № 98 Новокшенов привлек ИТР, в основном из службы эксплуатации. Он лично возглавлял эту бригаду, случалось, люди вручную загоняли в склад груженные вагоны, а после выгрузки выгоняли вагоны из склада.

Любопытно, что сотрудники отдела оборудования к этой работе не привлекались, а мне поручалась только организация работ. Было довольно стеснительно руководить бригадой грузчиков, в которую входили главные специалисты, начальники несуществующих пока цехов и подразделений, а зачастую и сам директор. Но работа шла, хотя и не всегда гладко. Помню один довольно курьезный случай. Прибыл под разгрузку крытый вагон из Москвы. Половина вагона была загружена и тщательно отгорожена дощатым щитом, к тому же опломбированным. Другая половина вагона была оборудована под теплушку, в которой помещалась военная охра-

на. Вагон прибыл поздно вечером, я организовал его приемку от охраны, вызвал бригаду «титлованных» грузчиков, а сам уехал в отдел проработать почту, а затем – домой. Примерно в два часа ночи «ребята» явились ко мне с взволнованным и даже испуганным видом. Они сообщили, что, вскрыв деревянный щит, почувствовали сильный запах яблок. Надо отметить, что в те времена предоплата не производилась, отгрузочные документы и счета отправлялись получателю после отправки груза и зачастую попадали к нему, когда груз уже был выгружен. Так было и в этот раз. Я как мог успокоил товарищей, сказав им, что никаких ОВ мы не ждем, но ребята ушли, не поверив мне и ругаясь в мой адрес довольно откровенно.

В 8 часов утра меня вызвал Новокшенов, поручил выгрузить вагон, но предварительно разобравшись, что это за груз. Когда мы приехали на склад, я залез в злополучный вагон, оторвал доски щита и увидел, что вагон был загружен разным хозяйственным инвентарем. Там были ведра, лопаты, метелки, пожарные топоры и... Выглянув из вагона, я принял позу римского трибуна и воскликнул: «Сапоги!», после чего громко расхохотался. Что делать – я был молод и еще не научился сдерживать свои эмоции. Товарищи сильно обиделись (пожалуй, вполне справедливо), все они были старше меня и по возрасту, и по должности. Чтобы успокоить рассерженных людей, я выставил напоказ несколько пар великолепных хромовых сапог – именно они и издавали приятный сладковатый запах. Вагон был разгружен, в самом углу стоял небольшой ящик, в котором находился секретный прибор «Ирис», из-за него-то и была отправлена охрана.

Иосиф Самуилович Лихтер

Первая блочная отечественная ТЕПЛОВАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ

ков, что во многом сократило срок строительных работ. Организовать строительство поручили директору электролизного химического комбината Виктору Федоровичу Новокшенову. В то время станция входила в структуру АЭХК. Его энергия, опыт работы в энергетике Урала, уникальные качества организатора служили залогом успешного строительства.

Сименем Виктора Федоровича Новокшенова неразрывно связана история ТЭЦ-10. О ее создании рассказывает Анатолий Берсенеv, помощник

директора по кадрам.

Тепловая электрическая станция №10 строилась для обеспечения электроэнергией в первую очередь гиганта атомной энергетики — АЭХК. Постановлением Совета Министров СССР было определено задание и поручено Ленинградскому отделению института «Теплоэлектропроект» в 1954 году выполнить проектирование первой очереди электростанции с номером 10. Впервые в Советском Союзе в проекте был заложен принцип блочной технологической компоновки станции с прямоточными котлами. Независимая схема каждого блока от соседних делала станцию высокой степени надежности в подаче электроэнергии к потребителю.

Станция оснащалась отечественным оборудованием, причем прямоточные котлы имели до этого только опытную наработку на одной из электростанций Мосэнерго. Такой принцип подхода при проектировании был смелым прогрессивным шагом в отечественной тепловой энергетике и послужил базой для создания более крупных энергоблоков.

В 1956 году было начато строительство главного корпуса, оно в отличие от традиционной кирпичной кладки выполнено из крупных бло-

С позиции сегодняшнего дня можно только удивляться, что за два с небольшим года выполнен колоссальный объем земляных, строительных, монтажных работ, и это позволило к сентябрю 1959 года выйти на пуск первого энергоблока.

Стал вопрос, кто же будет пускать, осваивать уникальное по тем временам оборудование? Ставка была сделана: пригласить специалистов - опытных рабочих уральских тепловых станций. Как здесь ни вспомнить историю. Россия на Урале накапливала людской и технический потенциал для освоения сибирских просторов. В то время начальнику отдела кадров АЭХК Носоченко Василию Петровичу было поручено отправиться на Урал на тепловые станции Красногорскую, Средне-Уральскую, Серовскую, Нижне-Туринскую и подобрать специалистов. С этой задачей он успешно справился. Одними из первых изъявили желание отправиться в Ангарск Тюменев И.С., Поляков В.В.,

Полякова В.П., Шахров В.М., Пономарев А.В., Романцев В.В., Музгин Г.Н., Кучерявый О.А., Бычков А.И., Попов В.В., Дронов В.И., Гнутов Н.Г., Кузнецов К.И., Гробин Н.Ф., Слепнева З.В., Исай И.А. и многие другие.

Что их влекло с наработанных мест? Романтика, желание создавать большую энергетику Восточной Сибири, освоить новое оборудование, предлагаемые лучшие жилищные условия нового города? Наверное, и то, и другое. Они составили структурное руководящее ядро. За короткий промежуток времени 1957-1958 годов этим людям удалось к моменту пуска создать эксплуатационные кадры: котельщиков, турбинистов, электриков, топливников, прибористов, химиков и других специалистов, обеспечивших пусковые операции.

Неоценимую помощь в рабочих и специалистах, прошедших эксплуатационную подготовку, несомненно, оказал первенец Ангарского куста энергетиков - ТЭЦ-1.

И вот предпусковые подготовительные операции закончены. 19 сентября 1959 года в 21 час 25 минут турбогенератор ТГ-1 включен в сеть и взял нагрузку 5000 кВт. Назову имена тех, кто нес вахту в это историческое для станции время. Дежурный инженер станции Кучерявый О.А., начальник смены блока Макаров Н.В., дежурный инженер-электрик Зуев В.И., машинист котла Рогачев В.А., машинист турбины Пименов А.Б., старший дежурный электромонтер Томин А.Н., начальник смены топливоподдачи Галашманов Г.А., начальник смены химводочистки Ажиганова Г.В.

В феврале 1962 года был пущен последний, восьмой, энергоблок, а в апреле взята полная нагрузка.

С 1 января 1963 года ТЭЦ-10 вышла из структуры АЭХК и вошла в Иркутскэнерго Министерства энергетики СССР, чем значительно увеличила мощность системы.

Таким образом, в энергетическое русло страны вошла станция, установленной мощностью равная всему энергетическому комплексу, предусмотренному в 1920 году планом ГОЭ.

Таким я помню НАШЕГО ДИРЕКТОРА

Конец пятидесятых. На комбинате запущена первая очередь диффузионного завода, готовится его расширение, интенсивно идет строительство зданий и монтаж оборудования сублиматного завода. В 1959 году на комбинате появились первые молодые специалисты – выпускники физтехов УПИ и ТПИ, химики Горьковского университета, а затем ЛХТИ и МХТИ – они и были в основном мастерами, инженерами-технологами и начальниками смен в пусковой период обоих заводов.

Но все, кто начинал работу в это время, с глубоким уважением вспоминают нашего первого директора комбината Виктора Федоровича Новокшенова. Это был простой, без административного чванства, очень внимательный, доброжелательный, но в то же время требовательный руководитель. Виктор Федорович прекрасно разбирался в технических вопросах заводов и, как теперь говорят, навешать лапшу на уши ему было невозможно, он быстро находил «скользкое место», умел выделить главное и не боялся принимать ответственные решения. А это мог делать далеко не каждый руководитель.

У него была на удивление отличная память и умение налаживать хороший контакт с молодыми специалистами. При обсуждении технических вопросов он умел выслушивать различные, порой взаимоисключающие мнения, и в то же время четко видел цель и умело определял стратегию поиска. Это был своеобразный мозговой штурм для поиска лучших решений. Во всяком случае, для сублиматного производства это происходило именно так. Без этого у нас не было бы самого мощного в мире аппарата для получения фтора СТЭ-20У и аппаратов ВР и УП в производстве гексафторида урана. Увеличить мощность сублиматного производства более чем в 4 раза с той же численностью персонала и на тех же производственных площадях – это и сейчас кажется нереальным.

А тогда... Тогда все делалось под постоянным и жестким контролем Виктора Федоровича.

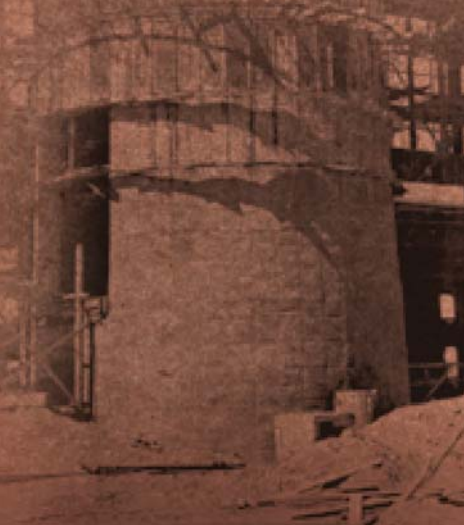
В 1967 году, когда я был уже заместителем начальника цеха, срочно решался вопрос об использовании бункеров неработающего отделения 12 химцеха 2 для хранения шпата. В цех приехали Виктор Федорович, главный инженер комбината Парахнюк И.С., заместитель директора Носоченко В.П., начальник отдела 16 Черепанов В.П. и главный инженер завода Косинцев Ф.И. Делегации нужно было пройти по верхней отметке печного отделения в склад шпата отд. 11. А у нас перед этим, как будто специально для визит-эффекта, перехватило газоход, и помещение было загазовано. Я сказал об этом Виктору Федоровичу, предложив спуститься вниз и пройти по нулевой отметке, но он отказался и, не ускорив шага, пошел через загазованную зону. Ну а за ним, в основном бегом, и все остальные. Когда вышли из грязной зоны, он только сказал: «Да, крепковато тут у вас сегодня».

А.А. Лавелин, бывший работник химзавода

«Приступили к строительству химического завода, на площадке был лес и больше ничего. Прорубили просеку, сделали зону, коридор (для лагеря) из колючей проволоки, по нему водили заключенных прямо на территорию комбината. На одной только этой площадке в одну смену было занято до полутора тысячи человек. Трудились десятки тысяч рабочих, в основном заключенные и военнослужащие... На площадке царил здоровый микроклимат, создаваемый самим директором В.Ф. Новокшеновым. Он уважал строителей, которые не жалели ни сил, ни времени, ни здоровья, вкладывали всю душу в будущий комбинат, монтировали уникальное оборудование, какого нигде больше не было».

Юрий Иванович Авдеев, бывший начальник АУС-16, заслуженный строитель РФ и почетный гражданин Ангарска

Из книги «Полвека в строю»

КВАРТАЛ ИМЕНИ В. Ф. Новокшенова

5 ноября 1957 года заселились первые жильцы дома №9 квартала А, позднее жильцы домов № 10 и 11. Три дома составили первый двор среди густого леса, а за ними была стройка.

Я тогда получила комнату в 3-комнатной, на три хозяина квартире, с кухней и печкой, которую топили дровами. Для встречи 1958 года внутри двора поставили красивую, нарядную, большую елку и хорошую горку. В ноябре снега не было, а в канун Новогодья пошел большой снег. Не хватает слов описать, какой это был неповторимый праздник – единение людей, еще мало знакомых. Взрослые и дети катались с горы до утра на сковородках, на разделочных досках. Выбегали на улицы, не закрывая квартиру, не боялись никого и ничего, не было пьяных и драчливых, было только знакомство сослуживцев, ставших соседями на долгие годы.

Нет сомнений, что поручение поставить праздничную елку новоселам шло от нашего гуманного первого директора (тогда еще не АЭХК) Виктора Федоровича Новокшенова. И, разумеется, все дальнейшее социально-культурное прирастало с его благословения в единении с трудовым коллективом, который он искренне уважал, опираясь на его силу.

Э. Кудряшева,
заслуженный ветеран АЭХК
Газета «Время»

«ВТОРАЯ ЖИЗНЬ» Новокшенова

В 1960 году случайно встретился с товарищем по учебе, который работал в каком-то «ящике». Что в нашем понятии был «ящик»? Просто секретный завод, на котором что-то производят. Но интересное дело – в разговоре с товарищем огромное место занимала тема: наш квартал, наш коллектив, наш директор.

И вот первое впечатление в отделе кадров: наш комбинат, наш директор и т. д. «Ящик»-то оказался не простым. Это и заводы, и жилье, и магазины, и школы, и детские сады. И все время Новокшенов да Новокшенов, иногда Батя, иногда Виктор Федорович, но ни разу не слышал «шеф».

Потом 30 лет работы рядом с Виктором Федоровичем – редкая возможность видеть человека с разных сторон. Четыре месяца издалека, с должности начальника цеха, 10 лет – председатель профкома ОЗК № 37, и более 12 лет – заместитель директора комбината по кадровой политике. Думаю, такие контакты дают право на некоторые оценки и характеристики.

Первое впечатление от жилого района – восторг! В каждом квартале – детсад, деткомбинат и школа; вечером и ночью светло как днем. На крышах

домов световая реклама. И кругом чистота. Ни в Иркутске, ни в Ангарске такого не видел и только позже узнал, что все это – результат постоянного присутствия бесценного «местного патриотизма» Новокшенова и под его воздействием других руководителей и всех «электроразлисков». Росли как грибы жилые дома, то лучший в области Дворец культуры, то хоккейный корт с искусственным льдом, а то и рукотворное море под скромным названием «организованный сброс промводы». Отдыхает весь город и не ведает, что и это море, и инициатива Новокшенова могли окончиться весьма плачевно. Был риск потерять не только работу, но и уехать по этапу еще дальше и глубже на восток.

А бурный успех хоккейного «Ермака», команды сравнительно небольшого коллектива АЭХК! Слава лучшего льда России и приезд на «Ермак» лучших команд страны: конькобежцев, хоккеистов, биатлонистов.

И во всех этих делах – дух и присутствие Новокшенова.

И это только его «вторая жизнь».

А главная, «первая», конечно, комбинат!

Виктор Поликарпович Орцев,
бывший председатель профсоюзного комитета,
начальника отдела кадров комбината

МЫ ЭТО ПОМНИМ

Вспоминая большой трудовой вклад Владимира Федоровича Новокшенова в создание Ангарского электролизного химического комбината, хочется сказать о его заботе о рабочих комбината, которые были переведены в Ангарск из предприятий уже освоивших производство гексафторида урана и обогащенного урана.

В Юго-Восточном районе Ангарска был создан «квартальский район». В этом районе были построены дома, в которые заселили семьи работающих на комбинате. Дома были построены четырехэтажными. Почему не выше? Владимир Федорович был озабочен тем, чтобы здания не разрушились в случае землетрясений. Дома были построены на железобетонных опорах. В конструкции было продумано удобное размещение комнат, коридоров и т.д. В «хрущевские» времена таких удобных домов уже не строили.

Виктор Федорович много делал на благо работников комбината и их семей. Первый в отрасли, не получив согласия руководства, министерства, он своим приказом предоставил работникам еженедельно два дня выходных (субботу и воскресенье). Это было по тем временам революционное решение.

Он выделил работникам земельные участки для выращивания картофеля. Собранный урожай привозили на машинах к подъездам домов. Все бесплатно!

Да, доброты от Виктора Федоровича было много. В то же время хочется отметить его разумный подход к решению технических проблем, возникающих на производствах АЭХК. Например, в Х-1 возникла проблема увеличения выпуска гексафторида (ГФУ) в 2-2,5 раза. Таков был приказ Минсредмаша. Было необходимо заменить все работающее оборудование на более производительное. Проблема эта была решена, и выпуск ГФУ был увеличен.

Расскажу, в каких тяжелых условиях решалась проблема увеличения производительности ВР (вертикального реактора) и какую большую помощь оказал в этом Владимир Федорович. Известно, что иностранные специалисты предложили заменить вертикальный реактор, изготовленный из стали, на ВР из никеля. Они обосновали это тем, что при увеличении подачи фтора и сырья в зону реакции в 2-3 раза температура в зоне реакции повысится выше 1000 градусов, а может, и еще выше. Стальные стенки ВР в зоне реакции расплавятся, в зону попадет охлаждающая вода и мгновенно превратится в пар, который заполнит все отделение. Станет невозможно дышать, находящиеся в отделении люди получат ожог. Иностранцы правильно предупредили, что, если увеличить производительность ВР, не принимая никаких мер, будет авария. Узнав про предложение иностранцев, Виктор Федорович пригласил меня и предложил, чтобы мы сами все это усовершенствовали. Мы сделали такую доработку ВР, Виктор Федорович остался доволен нашей доработкой верхней части реактора и проведенными испытаниями.

Виктор Федорович много сделал для благополучной жизни работников и их семей: создал Юго-Западный район (были построены двухэтажные дома в «квартале» для удобства жителей), медсанчасть, ДК «Современник», спортивные площадки, школы и т. д. По его

распоряжению было создано садоводческое общество «Рассвет». Все его заботы были направлены на благо работников комбината. Не все я вспомнил и не все рассказал, но люди помнят о добрых делах Виктора Федоровича Новокшенова.

Виктор Николаевич Корючкин,
заслуженный работник АЭХК

Секретный ПРЕМЬЕР-ДИРЕКТОР

Новокшенов... Он оставил после себя не только построенное с нуля современнейшее предприятие и уютный район Ангарска, но и высокую планку жизни на «полную мощность», а также добрую память, сохранить которую обязаны все мы, его ученики и последователи.

Первая встреча

Начало сентября 1964 года. Наша прибывшая из Свердловска в Ангарск группа из 9 студентов-дипломников физтеха УПИ пришла на первый прием к руководству только что построенного, крайне секретного комбината, который мы с трудом отыскивали. Директора на месте не оказалось, был на промплощадке, и нас принимал научный руководитель комбината, и.о. главного инженера Борис Федорович Алейников. Разговор сразу не заладился. Мол, студенты для нас морока, прогуливают, бывает, спят на рабочих местах или лезут куда не надо, требования режимные нарушают, болтают лишнее, разглашают государственную тайну. Получилась обидная для молодых людей, рвущихся «покорять атом», совсем не отеческая накачка. Вдруг дверь кабинета открывается, входит крупный моложавый мужчина в цветной ковбойке. Оглядел всех нас и спрашивает:

- Кто такие?

- Да вот, прибыли студенты-дипломники из УПИ, физтехи.

- А наконец-то, давно ждем вас. Завод запустили, а технологов не хватает. Знаете, УПИ – мой родной институт, я заканчивал энергофак, правда, давненько. УПИ дураков не выпускает (правда, выразился он куда крепче).

И тут же Виктор Федорович отдает распоряжение нашим кураторам: «Всех завтра же распределить по основным цехам, оформить аппаратчиками и слесарями по 4 разряду. Премия платить как всем. Подберите серьезные темы дипломных работ и толковых руководителей». И

отдельно Борису Федоровичу Алейникову: «Вы тоже как научный руководитель комбината подключайтесь, студенческую рабсилу надо с толком использовать. Наша смена». Так, в течение каких-то трех-пяти минут судьба наша на ближайшие полгода была решена, причем с материальной добавкой, в четыре раза превышающей размер стипендии.

Личность историческая и легендарная

Виктор Федорович Новокшенов руководителем был строгим. Иначе было нельзя. Но и держимордой, конечно, не был. На производстве поддерживалась строжайшая трудовая и технологическая дисциплина, которую могли выдерживать только хорошо подготовленные работники. Хорошие работники поощрялись, нерадивые лишались премии, которая составляла до 60 процентов зарплаты. Но штрафившихся больше всего пугала личная встреча с директором, на которую он приглашал при особо тяжелых последствиях того или иного нарушения. Я не помню «директорского разноса» по каким-либо серьезным происшествиям. Наоборот, чем больше была беда, тем спокойнее выглядел Виктор Федорович. Хотя и видно было, как трудно это ему дается.

В цехе, которым я руководил в конце семидесятых, произошло ЧП, за которое можно было загреметь на нары. На участке сборки разделительных фильтров в конце второй смены, поздно вечером, обнаружили, что не хватает одного совершенно секретного изделия – фильтра. Это уже ЧП союзного масштаба. А что, если это шпионская вылазка? Была объявлена тревога. Я срочно приехал в цех, просмотрел все документы, место сборки. Все многократно пересчитали, отработывали разные версии. Директору о ЧП я сразу доложил домой, он еще не спал. Спросил, откуда я звоню. Я ответил, что нахожусь на этом самом участке. Он сказал: «Ладно, раз ты там,

я не поеду, что-то нездоровится. О серьезности ЧП ты знаешь. Но позвони и разбуди в двух случаях: когда найдете, и если приедут офицеры КГБ». Будить Виктора Федоровича не пришлось. Секретную трубку нашли благодаря пылливому уму слесаря Михаила Бурого, а сотрудники КГБ приехали, когда мы, уже довольные, улыбались. В тот же день я подготовил приказ, в котором премировал Михаила Бурова в размере оклада.

Куда партия ведет?

Не надо забывать, что тогда мы жили в другой стране под названием СССР. А КПСС... КПСС была руководящей силой советского общества. Практически все руководители предприятий состояли в КПСС. Но к оголтелой партийной трескотне и славословию, густо распространившимся в поздний брежневский период, Виктор Федорович относился крайне отрицательно и позволял себе высказывать на этот счет едкие замечания. Как-то на заседании парткома комбината его секретарь зачитал директивное письмо ЦК КПСС, где устанавливалась почти 100-процентная явка коммунистов на отчетно-перевыборные конференции. А время было осеннее, и многие работники комбината, включая членов КПСС, были в колхозах и совхозах на уборке урожая. Секретарь парткома предложил отозвать на партсобрание коммунистов из села. Виктор Федорович категорически отказался это делать, заявив:

- Уборка на селе – это передовая в стране. Как я могу отзывать передовой отряд нашего общества с передовой? Что о нас подумают беспартийные?

И на следующий вопрос: «Что делать?», ответил: «Врать с явкой будет честнее!» Так, похоже, и сделали.

Как-то на оперативном совещании на одном из заводов директор поделился впечатлением о прошедшем накануне пленуме горкома КПСС. Отчитывался партком АНХК. А в самом конце затянувшегося заседания слово взял первый секретарь горкома и набросился с резкой критикой на своих однопартийцев-нефтехимиков. Оказывается, молодой работник АНХК, направленный в колхоз на уборку урожая, написал в горком обидчивое письмо, которое закончил

немыслимым для того времени вопросом: «Скажите, наконец, куда партия ведет?» А Виктор Федорович уже на нашей оперативке прокомментировал действия секретаря горкома: «Вместо того чтобы сказать всем, что он сам не знает, куда ведет партия, начал нас всех оптом воспитывать. Кстати, так и не объяснив, куда она ведет».

Все публичные выступления Новокшенов сопровождал тонким юмором, потрясающей осведомленностью, а вот готовые тексты не любил. Так, были какие-то отдельные тезисы, как правило, незаезженные, свежие. Чувствовалось, что все-таки готовился.

Вспоминается, в начале восьмидесятых отчитывался Виктор Федорович Новокшенов в Москве у начальника Главка А.Д. Зверева. И вот накануне вечером в гостинице (а жили мы втроем – Ю.Овчинников, заместитель директора по капитальному строительству, был третьим) Виктор Федорович посетовал, что боится генерала (А.Д. Зверева) лишь за один показатель. Оказалось, в этот год возросло число попаданий работников комбината в вытрезвитель. А Зверев крайне негативно к пьянству относился. «Надо как-то удачно доложить. Вот думаю». Что директор за ночь придумал, мы услышали на следующий день. Когда дело в докладе дошло до трудовой дисциплины,

Виктор Федорович в присутствии 30 московских чиновников и начальника Главка стал непривычно громко и неестественно каяться, что это он не усмотрел, недоработал и обещал исправиться. И добавил, что у нас уже есть положительный опыт. Вот муж и жена работают на комбинате. И в свой день рождения мужик перебрал, а жена взяла да и сдала его в вытрезвитель. Понятно, что проявила сознательность, другим пример, чтобы отучить от вредной привычки супруга. Реакция присутствующих была потрясающей. Все забыли, сколько было случаев попадания в вытрезвитель, а стали возмущаться поступком этой «принципиальной» дамы. Председательствующий махнул рукой, чтобы прекратить разговоры, и велел докладывать дальше.

Ядерный баланс

XX век дал в руки человечества атомную энергию. Объективное осмысление атомного этапа нашей национальной истории только начинается. Первоначальной и главной ее целью, конечно, было создание атомной бомбы и достижение в кратчайшие сроки ядерного равновесия между СССР и США. Не надо забывать, что печально знаменитая речь У. Черчилля в Фултоне в 1946 году была по сути призывом к атомной войне против нас. Зададимся вопросом: как должна была поступить наша страна? Разоренная войной и понесшая несметные жертвы, перед фактом вовсе не теоретической, а реальной угрозы? И чтобы ответить, давайте

просто прислушаемся к словам величайшего патриота и ученого-физика нашей страны Андрея Дмитриевича Сахарова, высказанным им в 1988 году. «Я и все, кто вместе со мной работал, были уверены в необходимости нашей работы и в ее исключительной важности... То, что мы делали, было на самом деле большой трагедией, отражающей трагичность всей ситуации в мире, где для того, чтобы сохранить мир, необходимо делать такие страшные, ужасные вещи». Это ответ тем, кто с позиции сегодняшнего относительно благополучного дня ставит под сомнение необходимость создания отечественного ядерного оружия. Ядерное оружие было чрезвычайно нужно как сдерживающее начало. Оно также дало толчок для развития атомной промышленности, которая сейчас успешно работает в основном на мирные цели. Ещё И.В. Курчатов считал военные приложения атомной энергии вынужденными и временными. Все перспективы он связывал с мирным применением атома, что сейчас и наблюдается во многих развитых странах.

Атомные технологии

Десятки, даже сотни молодых специалистов этих вузов прошли производственную школу на комбинате, стали крупными специалистами, внесли ощутимый вклад в становление и развитие комбината. Первый директор умел блестяще разбираться в кадрах, систематически подпитывая сложившийся коллектив специалистов-единомышленников образованной молодежью. Выражаясь спортивным языком, он четко понимал: передача кадровой эстафеты должна быть и своевременной, и безошибочной, и в крепкие руки профессионалов.

Режим исключительной секретности

Многие десятилетия атомная отрасль функционировала в режиме исключительной секретности. Это «государство в государстве» охранялось с особой тщательностью. Выдающиеся ученые, конструкторы и промышленники были засекречены, как и полторы сотни крупнейших предприятий и институтов атомной отрасли и 10 закрытых городов. Много позднее стало извест-

но, что атомной проблемой в стране занимались такие выдающиеся ученые, как И.В. Курчатов, И.К. Кикоин, Ю.Б. Харитон, А.П. Александров, В.А. Легасов и другие. Появились сведения и о высших государственных руководителях атомной промышленности, таких как: Б.Л. Ванников, Е.П. Славский, М.Г. Первухин, А.П. Завенягин, В.Н. Михайлов. Но несправедливо и крайне

мало мы знаем о директорском корпусе атомных предприятий страны, вынесших на себе основную беспрецедентную нагрузку при создании в основном на Урале и в Сибири крупных ядерных объектов. Один из них Виктор Федорович Новокшенов - первый директор АЭХК, с вводом которого на полную мощность мы догнали Америку по выпуску обогащенного оружейного урана.

Перманентная модернизация

Для руководителя крупного масштаба среди многих качеств, которыми он должен обладать, крайне важны такие, как видение перспективы развития, а также гражданская смелость и настойчивость в осуществлении намеченных целей.

Первая модернизация газодиффузионного завода началась еще в шестидесятых, при первом плановом ремонте блоков разделительных машин путем замены фильтров на более эффективные. Позже в результате непрерывной модернизации разделительная мощность газодиффузионного завода выросла почти в два раза, а ресурсные сроки эксплуатации оборудования были увеличены в 2-5 раз. Советом министров СССР в 1984 году за выполнение комплекса этих работ на предприятиях главка была присуждена правительственная премия, лауреатом которой вместе с группой ученых, конструкторов и производственников стал и Виктор Федорович Новокшенов.

И все же энергоемкое газодиффузионное производство не столько физически, сколько морально устарело. С газовыми центрифугами «диффузия» конкурировать не могла, и с ней надо было расставаться. Решение о поблочном останове и демонтаже газодиффузионных машин принимал Виктор Федорович самостоятельно, даже без согласования с главком и министерством (все равно бы не разрешили). В то время это была неслыханная дерзость, но остановить директора в стремлении установить центрифуги в Ангарске уже ничто не могло. А это была очень и очень непростая работа. А чтобы доказать возможность эксплуатации новейших российских газовых центрифуг по разделению изотопов урана в сейсмических условиях Прибайкалья, потребовалось провести под руководством ака-

демика И.К. Кикоина уникальные испытания строительных конструкций на сейсмоустойчивость в Таджикистане, организовав на экспериментальном полигоне «Ляур» искусственное землетрясение силой в девять баллов.

В результате замены на АЭХК газодиффузионной технологии разделения изотопов на центробежную в десятки раз сократилось энергопотребление и водопотребление комбината, появилась возможность значительно снизить нагрузку ТЭЦ-10, уменьшить выбросы в окружающую среду.

Развитие сублиматного производства было стремительной. И если разделительный завод модернизировался с участием ведущих конструкторских и проектных организаций страны и головного предприятия, что в Свердловске-44, то кардинальная реконструкция химического завода была осуществлена собственными силами: и в части проектирования, и в части изготовления оборудования. НИОКРовская составляющая этого грандиозного проекта выполнялась учеными комбината совместно с Всесоюзным научно-исследовательским институтом химической технологии (г. Москва).

Аналогов созданным в Ангарске среднетемпературным электролизерам по производству фтора (СТЭ-20) и вертикальным радиаторам по получению гексафторида урана в мировой практике не было. В сравнении с проектной мощностью сублиматного производства была увеличена в 4,5 раза при высочайших показателях качества выпускаемой продукции. Достижения ангарских химиков-атомщиков были отмечены Государственной премией СССР.

И еще одно производство было доведено до совершенства – это производство безводного фтористого водорода, который использовался как в получении молекулярного фтора, так и поставлялся на внутренний и внешний рынки. Уникальная технология и сам товарный продукт были отмечены на выставках достижений народного хозяйства страны, а также государственной премией СССР. Главным вдохновителем и непосредственным организатором становления и столь бурного инновационного развития химического завода был первый директор АЭХК Виктор Федорович Новокшенов.

Опережая время

На АЭХК с самого начала была создана современная научно-производственная школа, которую прошли многие сотни, даже тысячи специалистов. Силами заводских ученых, конструкторов, технологов велась постоянная реконструкция основных производств, работающих и в настоящее время.

Эта многолетняя титаническая работа специалистов комбината отмечена государственной и правительственной премиями, дипломами и медалями ярмарок и выставок, в том числе международных, десятками изобретений.

Около полутора десятка специалистов стали кандидатами и докторами наук. Виктор Федорович и сам защитил диссертацию, он автор многих изобретений, лауреат Государственной и правительственной премий.

На комбинате систематически работал научно-технический совет под руководством директора, на котором обсуждались, надо сказать, в демократической обстановке все важнейшие перспективные вопросы развития производства.

Не хлебом единым

Приоритетное развитие атомной промышленности требовало концентрации в ней сильных, ответственных руководителей. Легендарный министр Средмаша Е.П. Славский любил повторять: «В моем министерстве своя академия наук: академиков – 24, докторов наук – 670 и кандидатов – 45000, а Героев труда – 25. Грандиознейшее хозяйство!». Директора предприятий были личности неординарные, самобытные. Но Виктор Федорович и среди своих коллег помимо деловых качеств и специальных знаний выделялся весьма обширным культурным кругозором. Он писал стихи.

Его связывала искренняя дружба со многими известными деятелями литературы, искусств, науки, техники и спорта. Инкогнито в гостях у Виктора Федоровича побывал самый знаменитый и секретный разведчик - англичанин К. Филби. Не хлебом единым (и ураном тоже) жил комбинат при своем премьер-директоре.

Лучшее место на земле

У В.Ф. Новокшенова было исключительно внимательное отношение к людям вне зависимости от того, работаешь ли ты аппаратчиком или директором завода. На протяжении трёх десятков лет В.Ф. Новокшенов регулярно с хронометрической четкостью (по предварительной записи) вёл приём своих работников по личным вопросам.

Создать для жителей нормальные условия жизни, особенно в Сибири, непростая, но крайне благородная задача. Юго-Западная часть города Ангарска, где проживают в основном семьи атомщиков, самая благоустроенная. Здесь считалось нормой, когда дети добираются до детсада, не переходя дорогу. Система жизнеобеспечения жилого массива и его обустройство «закладывались» также первым директором комбината.

Виктор Фёдорович Новокшенов был патриотом Сибирского края.

Приехав трудиться в Ангарск в середине пятидесятых, он полюбил этот край и, даже выйдя на заслуженный отдых, не помышлял сменить место жительства «на более тёплые края», хотя возможностей у него было более чем достаточно. Он очень любил Байкал и обычно с удовольствием подшучивал над многочисленными приезжающими гостями: «Человечество делится на

две половины – «лучшую» и «худшую». «Лучшая» - это та, которая была на Байкале, «худшая» - нет. Мы здесь для того, чтобы переводить наших гостей из «худшей» половины в «лучшую». Все организовано, завтра едем на Байкал».

Здесь же, на АЭХК, трудились его супруга Нина Прокофьевна Новокшенова, сыновья Виктор и Николай, их семьи. Более века отработала на комбинате династия Новокшеновых.

Виктор Фёдорович Новокшенов был не только отличным руководителем крупного и наукоёмкого предприятия, но и очень сильным, нестандартным человеком, который стал духовным лидером для многотысячного коллектива.

Геннадий Сергеевич Кондобаев,
ветеран АЭХК

ТЫ ШЕЛ ПЕРВЫМ

У тебя в жизни были главные заботы: семья, работа и общественные дела – партийные, депутатские и т. д. В разные периоды жизни что-то выходило на первый план. Но никогда ты неурядицы на работе не тащил нервно домой. Я иногда наблюдала, как, выходя из машины, ты останавливался у калитки и как бы стряхивал всю тяжесть по ту сторону. И хотя я знала все, что происходит на комбинате, о тех или иных происшествиях, ты никогда не возводил это в трагедию для семьи.

А ведь были иногда и очень сложные дни. Так, 1 апреля 1963 года произошла серьезная авария на электролизном заводе. Настолько серьезная, что пришлось докладывать лично Косыгину. На комбинат приехали зам. министра А.И. Чурин и А.Д. Зверев, начальник главка.

Мне потом рассказывали, что, когда ты подъехал к заводу, у ворот стояло все руководство завода и посылали рабочих по очереди, чтобы нашли, где газует и почему. Ты надел противогаз и шагнул в серое молоко газовки и вывел упирающегося часового. Вернулся, снял с кого-то халат, намочил его и пошел затыкать дырку. Еще раз пошел уже с рабочими, чтобы показать, где и что делать. А мне позвонил на работу бодрым голосом, что за-

держишься и чтобы я тебя не ждала домой. Утром таким же голосом сказал, что у тебя все в порядке, на комбинате тоже. Я утром отводила Витю в садик, приезжала на работу и узнавала все подробности. На четвертые сутки, в 4 часа утра, ты позвонил мне, что едешь домой, и спросил, есть ли дома молоко, попросил разостлать в прихожей старую скатерть или штору. Я поняла, что все, что на тебе, нужно будет сжечь. Так я и сделала. Ты разделся, выпил литровую бутылку молока и пошел в ванную, но как-то странно держась за стенку.

Все, что ты снял, я тут же вынесла в железный ящик, облила бензином и сожгла. Из ванной, где ты простоял под душем около получаса, я тебя вывела за руки, так как ты почти ничего не видел. Утром, прежде чем ехать на работу, завезла тебя к окулисту, зрение упало с -5 на четыре диоптрии. Правда, со временем установилось -7. Вечером позвонила зав. поликлиникой и сказала, что ты хватанул семнадцать норм. И так во всем — где было опасно, туда ты шел первым. Иногда рабочие на тебя за это ворчали, но ты всегда делал по-своему, как считал нужным.

Из книги Нины Прокофьевны Новокшеновой
«Мы жили в неизвестных городах»

– В 1970 году я познакомился с Виктором Федоровичем. После того, как меня назначили директором завода в Красноярске. Виктор Федорович работал директором уже более 15 лет, и я решил приехать к нему как к опытному директору, и не зря. Это был целеустремленный человек, характер был сложный, строптивый, настырный. Я многому у него научился, особенно бросались в глаза забота о быте, отдыхе, создание микроклимата для трудящихся комбината.

Он провел меня по всем корпусам заводов, хотя видно было, что больные ноги не очень позволяют ему свободно ходить. Познакомил меня очень детально с новым для меня химическим производством, и когда я стал работать в главке, то мне очень помогло это в работе. На других объектах для меня это уже не было чем-то новым.

Я поверил в него, он поверил в меня, и в сложных ситуациях мог его убедить в правильном решении проблемы. Говоря о «школе Новокшенова», я могу сказать одно: в новых условиях жизни навыки и принципы Виктора Федоровича помогли комбинату перейти на новое оборудование и удержать тот высокий потенциал в труде, который был заложен директором.

Е.Л. Микерин,
бывший начальник главка
Минсредмаша

СПРАВЕДЛИВЫЙ ДИРЕКТОР и человек с юмором

Вмоей памяти много эпизодов, связанных с первым директором АЭХК Виктором Федоровичем Новокшеновым, но особенно запомнились следующие драматические, и не только, истории.

Эпизод 1.

Столкнулся я с Виктором Федоровичем Новокшеновым осенью 1960 года, когда, будучи молодым специалистом, работал в группе наладки по химическому заводу от отдела главного прибориста комбината.

Мы налаживали оборудование КИП и схемы управления технологическим процессом производства безводного фтористого водорода в химцехе №2. Это производство необходимо было запустить в декабре 1960 года.

В октябре этого года военные строители заканчивали обклейку пластиком подземных газо-

ходов от химцеха №1 и химцеха №2 до здания 303. В качестве клея использовали 88-й клей на основе технического спирта (некоторые умельцы насыпали обычную соль в этот клей, размешивали деревянной лопаткой, удаляли наполнитель, а образовавшуюся мутноватую жидкость выпивали).

В первых числах октября в первой половине дня, работая в ЦДП химцеха №2, мы почувствовали запах гари. Через вытяжную вентиляцию повалил черный дым. Мы отключили вентиляцию и выбежали на улицу. К зданию 302 подъехали пожарные машины и руководство комбината. Стало ясно, что горят газоходы. Через некоторое время кто-то услышал звуки ударов изнутри вытяжной вентиляции, уходящей в подземный газоход снаружи здания 302. Тут же были приняты меры по вскрытию этой вентиляции, и из нее выгнали около 20 человек военных строителей во главе с капитаном С.К. Синегубовым.

Все они были черные от гари и сильно угоревшие. Двух военных строителей позже нашли мертвыми в газоходе. Мы с главным прибористом В.В. Вильяновым вспомнили, что не сняли напряжение в магнитной станции и со щита ЦДП. Подошли к Виктору Федоровичу и сказали, что готовы в изолирующих противогазах пройти в магнитную станцию на 2-м этаже здания 302 снять напряжение. Новокшенов дал добро.

Мы с Вильяновым надели изолирующие противогазы с баллонами сжатого воздуха и вошли в здание 302. В сплошной копоти (не было видно даже протянутой руки) мы на ощупь нашли металлическую лестницу на 2-й этаж. На ощупь же нашли дверь магнитной станции, сняли со щита питания напряжение и вошли в ЦДП. Далее прошли за панелями к открытому окну ЦДП. Сняли маски противогазов и крикнули, что напряжение сняли и собираемся тем же путем вернуться обратно. И тут Виктор Федорович, используя крепкие слова,

крикнул нам, что, мол, не хватало мне трупов, и велел подогнать машину с вышкой и снять нас из окна ЦДП (отметка 6,6 метра).

Эпизод 2.

В 1962 году Виктор Федорович Новокшенов каждый день в 11.00 в кабинете директора химического завода А.М. Пикалова проводил оперативные совещания. В то время работа велась бурными темпами: менялись высокотемпературные электролизеры ВТЭ на среднетемпературные СТЭ-20, внедрялись концентратомеры АВК-59 на электролизерах СТЭ-20; велась реконструкция II отделения химцеха №1 – аппараты А-25 заменялись на вертикальные реакторы, скребковые аппараты А-27 – на аппараты со сбросом ГФУ, сконденсировавшегося на трубах, охлаждаемых холодной водой, с последующей подачей в эти трубы горячей воды, и тому подобное. Ежедневно инженер ПТО химзавода Ефим Аркадьевич Розенбаум заполнял таблицы поручений Новокшенова, сформированные на предыдущей оперативке, с отметками об их выполнении или невыполнении. На оперативном совещании присутствовали начальники цехов, главные специалисты химзавода (я тогда был и.о. главного прибориста завода), руководители подрядных

организаций. Как обычно, Розенбаум раскладывал таблицы перед Новокшеновым. Виктор Федорович спросил как-то: «Что-то, Ефим Аркадьевич, в последнее время стало от тебя водочкой пахивать». Ефим Аркадьевич тут же ответил: «Зарплату прибавите, будет коньячком пахивать».

Не знаю, что было дальше, но говорили, что Виктор Федорович прибавил зарплату Ефиму Аркадьевичу.

Эпизод 3.

В начале 1970-х годов я занимался разработкой сигнализатора на появление фтористого водорода в воздухе производственных помещений. Такой сигнализатор РИГ-1 был создан на базе дымовых извещателей РИД, и предстояли его испытания в производственных условиях. Тогда предельно допустимая концентрация фтористого водорода была установлена $0,05 \text{ мг/м}^3$ (в настоящее время $0,5 \text{ мг/м}^3$).

Суть испытаний состояла в следующем. Была сооружена герметичная палатка из полиэтиленовой пленки вместимостью примерно 15 м^3 . В палатке устанавливали сигнализатор РИГ-1 (впоследствии технологи обозвали его «Козлометром») и из баллона напускали мерное количество фтористого водорода до тех пор, пока сигнализатор не сработает. На испытания приехал Виктор Федорович. Сигнализатор благополучно сработал, и неожиданно для всех Виктор Федорович залез в палатку и произнес: «Здесь вообще нет запаха фтористого водорода, хороший прибор».

Эпизод 4.

В 1979 году я подал заявление во ВНИИХТ для поступления в заочную аспирантуру. Экзамены по философии и иностранному языку у меня были сданы в Иркутске, а вот спецпредмет надо было сдавать во ВНИИХТе. Тема моей диссертационной работы включала в себя прежде всего «Изучение диэлектрических свойств фтора, безводного фтористого водорода и гексафторида урана с разным содержанием урана 235», поэтому мне говорили, что придется сдавать два спецпредмета: один – по технологии и оборудованию производства урана, а второй – по приборам неразрушающего контроля урановых производств.

Осенью 1979 года мне неожиданно пришел вызов из ВНИИХТа для сдачи экзаменов в заочную аспирантуру. Я быстро оформил командировку, совершенно забыв, что во время командировки в ОГП и ЦРП (я тогда работал заместителем главного прибориста комбината) состоится партийное собрание. Не отпросившись с собрания, я уехал в Москву. После моего возвращения ко мне пришел секретарь партийной организации Ю.Я. Щепин и высказал свое недовольство по поводу совершенного мною проступка. В тот же день меня вызвали к Виктору Федоровичу Новокшенову. Главный приборист В.Г. Денисенко и Ю.Я. Щепин стали меня порицать, какой я несознательный коммунист, и так далее. Выслушав, Виктор Федорович пожурил меня, а потом спросил, как я сдал экзамены. Я ответил, что на пятерки. Он сказал: «Молодец» – и на этом разговор закончился.

Эпизод 5.

Виктора Федоровича отличал, я бы сказал, «глубокий юмор». Он мог совершенно неожиданно привести какое-либо сравнение, четко определяющее тему беседы и раскрывающее перед собеседником проблему того или иного вопроса. Вот, например, юморной стишок Виктора Федоровича, который он направил с фотографией своему другу Игорю Сченсновичу в Свердловск в 1958 году:

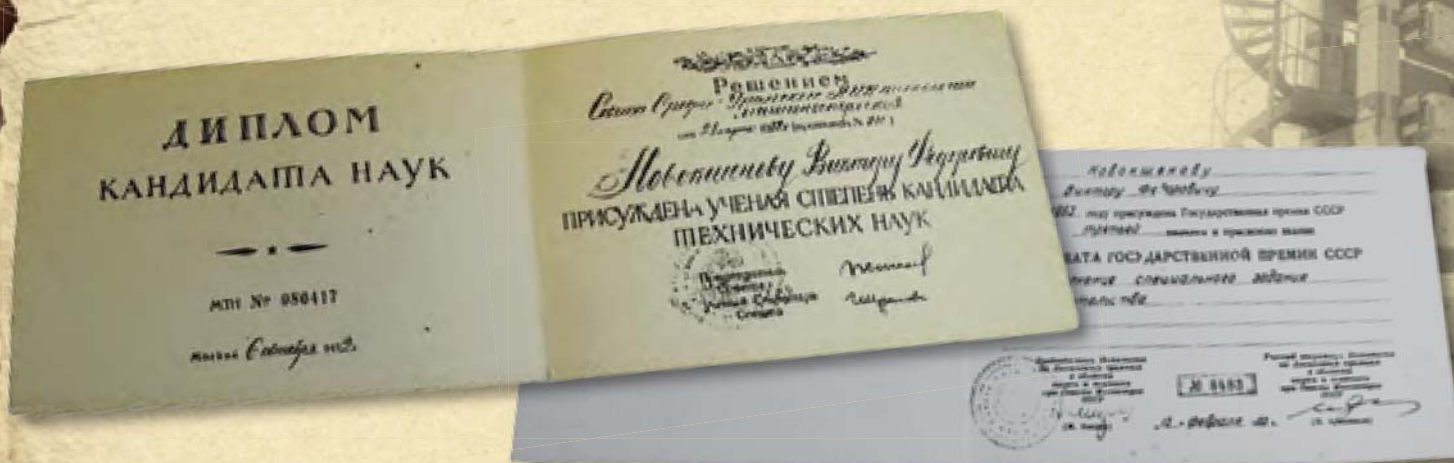
*Если урка попался в неволю,
Если урку заела беда,
Проклиная злосчастную долю,
Он друзей не забыл никогда!*

И ниже была подпись: «Китойлаг, 1958 год»

Александр Александрович Козлов

НОВОКШЕНОВ И НАУКА

Есть люди, о которых даже после их ухода из жизни современники и их последователи продолжают помнить годы и десятилетия. Память о них хранится и в народной молве, и в официальных бумагах, но больше всего – в оставленных ими делах, свершениях. Несомненно, что имя Виктора Федоровича Новокшенова принадлежит к незабываемым явлениям как в истории Ангарска, Ангарского электролизного химического комбината, так и в ядерной отрасли СССР и РФ.

Это был замечательный инженер, ученый, организатор многотысячного коллектива с момента возникновения и до полной зрелости. Еще много приложений можно было бы присоединить к этому имени. И хотя уже прошло много лет со времени его ухода от нас, но ничего из тех характеристик, которые применялись к нему при жизни, не стерлось. Это ли не пример цельности человека, который остался в памяти таким же, каким был при жизни! Но он был не только блестящим инженером, строителем и организатором производства, но и двигателем научно-технической жизни и мысли на комбинате. Причём всё было сдела-

но в кратчайшие сроки на самой трудной поро, какой была пора становления атомной науки и технологии, особенно в части, касающейся собственно обогащения урана и производства исходных материалов для этого – фтористого водорода, фтора и гексафторида урана. Это было создано в условиях жесточайшего ограничения и контроля со стороны министерства за применением материальных, финансовых и кадровых ресурсов. Именно благодаря уму и часто дерзким действиям первого директора комбинат был закоперщиком по многим направлениям развития технологии и оборудования химического и разделительного заводов. И, как следствие, АЭХК стал крупнейшим и самым мощным предприятием по производству гексафторида урана, а в созданных технологиях и аппаратах до сих пор успешно используются разработанные тогда и непревзойденные до сих пор технические решения.

Но самый мощный капитал, созданный Виктором Федоровичем, это кадры, которые ему пришлось привлекать для всех сторон деятельности комбината. Четкая система подбора, воспитания и продвижения по карьерной лестнице во многом определила передовые по-

зиции, которые занимал комбинат в отрасли. Особенно это касается инженерно-технического персонала.

Работники АЭХК, приехавшие со всей страны, ставшие сибиряками и также испытавшие на себе все тяготы становления и радости новизны техники и технологии, до сих пор чувствуют на себе инженерное и человеческое воздействие и теплоту Виктора Федоровича Новокшенова, силу характера этого человека. Это позволило им самим стать крупными специалистами и учеными, и не только в своей отрасли, вырасти характером, быть нужными предприятию и стране.

Научный подход к проблемам, научные разработки и работники науки появились на комбинате практически с пуском производства, так как проектные решения приходилось часто дорабатывать или коренным образом изменять с привлечением лучших научных сил страны, а также силами технологов и других специалистов комбината, которые буквально на ходу осваивали, совершенствовали и создавали новую технологию и оборудование. А почти все участки, например, химического завода стали «поли-

гонами» для создания новой технологии и техники, а также специалистов высшей квалификации. Знаменательным событием стало создание производственной научно-исследовательской лаборатории (ПНИЛ), что, конечно, потребовало вливания существенных финансовых, материальных и кадровых средств, но прогрессивное влияние этого акта на техническое развитие комбината несомненно. И тут проявился могучий талант Новокшенова как организатора науки на комбинате, поскольку он не только образовал тщательный контроль за деятельностью этого подразделения, но и добился получения действительно передовых результатов работы. При этом оживилась созидательная научно-техническая деятельность в подразделениях, поскольку при взаимодействии работников ПНИЛ и подразделений рождались не только новые решения технических задач, но и возникала конкуренция между решениями, предложенными специалистами ПНИЛ и технологами действующих производств. Разрешение разных точек зрения иногда сопровождалось нелицеприятными спорами на техническом совете при директоре комбината, который в те годы был настоящим двигателем форсированного развития комбината. Характерно, что результат обсуждения, сформулированный Виктором Федоровичем Новокшеновым, чаще всего приводил к оптимальному техническому и организационному решению, а позиция директора почти всегда была прогрессивной.

Виктора Федоровича Новокшенова связывали теплые дружеские отношения со многими академиками АН СССР, участвовавшими в советском атомном проекте. На фото В.Ф. Новокшенов с академиком Игорем Васильевичем Петряновым-Соколовым. Научные разработки И.В. Петрянова-Соколова легли в основу системы эффективной защиты от радиоактивной опасности персонала предприятий, перерабатывающих ядерное топливо.

В результате большинство разработок, созданных в содружестве специалистами цехов, ПНИЛ и отраслевых НИИ и основанных на детальном изучении свойств веществ, технологических процессов и конструкций аппаратов, оказались внедренными, а многие используются до сих пор. Некоторые из разработок вошли в производство после испытания нескольких вариантов, требовали вложения существенных средств и часто были рискованными, но директор осознанно шел на этот риск – его надежда на эффективность новаций чаще всего оправдывалась, и комбинат по уровню разработок оказывался передовым в отрасли. Это касается, в частности, процессов и аппаратов в производстве фтористого водорода, фтора, гексафторида урана, охраны природной среды...

Конечно, с созданием ПНИЛ не прекратились связи комбината с отраслевой, вузовской и академической наукой. Во многих случаях результаты совместной работы стали более ощу-

тимыми, а из специалистов АЭХК выросли производственные ученые, ставшие кандидатами и докторами наук. Роль Новокшенова в таком кадровом прорыве несомненна, так как при его прямой и квалифицированной поддержке была создана истинно научная атмосфера среди технической интеллигенции комбината.

Прошли долгие годы со времени ухода от нас Виктора Федоровича Новокшенова. Многие из его работы остались в нашей памяти, отражено в массе публикаций. Но все же остается впечатление чего-то не до конца сделанного в его память, хотя его дела, да и сам комбинат живут и здравствуют. Поэтому, учитывая его крупнейший вклад в создание АЭХК и развитие города Ангарска, предлагаю присвоить имя Виктора Федоровича Новокшенова Ангарскому электролизному химическому комбинату.

Игорь Михайлович Ванин,
инженер-технолог,
лауреат премии Совета министров СССР

Ширина марксистского МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Первый раз Виктору Федоровичу не могли дать Героя, так как произошла крупная авария на ТЭЦ-10. За полгода до аварии в Ангарск приезжал Ф.Р. Козлов. Новокшенов водил его на строящуюся ТЭЦ и показал, с какими дефектами поступало оборудование. Стоило поднять давление до необходимых параметров, как из всех швов начал валить пар. Фрол Романович обещал разобратся, помочь, но пока суд да дело...

Однажды в очередной свой приезд на комбинат начальник главка Александр Дмитриевич Зверев сказал Новокшенову, что он уже трижды должен быть Героем: первый раз – за строительство комбината, но получил орден Ленина, второй – за пуск комбината, а получил «Трудовика», третий – когда комбинат получил орден Трудового Красного Знамени, а Виктор Федорович – орден Октябрьской Революции. Есть удивительные фотографии космонавта Георгия Михайловича Гречко. Перед тем как поехать на комбинат, сфотографировались с руководством города и комбината: на фотографии Гречко со звездой Героя, а на фотографии при посещении ДК «Современник» у него нет звезды. Оказывается, он ее снял после посещения комбината и сказал секретарю ГК КПСС Сумину: «У него, наверное, несколько звездочек и лауреатских, а я тут своей трясу». В то время ордена и медали распределялись по областям и предприятиям в определенном количестве. Чего, сколько и кому, с предприятиями не согласовывали, а делили, что дали.

Случившаяся беда унесла семь человеческих жизней. После звонка диспетчера Виктор Федорович ночью сразу же поехал на ТЭЦ и сам с рабочими разбирал завал и доставал погибших. Когда приехал домой и вылез из ванны, виски были седые.

Незадолго до того как пришла очередная разрядка на награждение, был пленум ОК КПСС. Он поехал на него в буклированном костюме, но, к сожалению, в узких (модных тогда) брюках. Встречает его в коридоре второй секретарь обкома партии Б.Н. Щербина и довольно громко и невежливо спрашивает:

- Ты куда пришел?
- На заседание пленума обкома партии.
- В таком виде? – и показал на брюки.
- Никогда не думал, что ширина марксистского мировоззрения измеряется шириной брюк. Это стоило звезды, и счастье, что наступила «оттепель» и директор не уехал на Колыму. А звезду Героя получил рабочий КИПиА основного производства Иван Сергеевич Моторный. В бригаде Моторного звали Дедом. И однажды сын Витя, придя с работы (Иван Сергеевич был у него наставником), спросил отца:
  - Скажи, пожалуйста, наш Дед работает так, потому что Герой, или он Герой потому, что так работает?
  - А почему ты спрашиваешь?
  - Да вот сидим на перекуре, каждый занят своими делами, а он табуретку ремонтирует. Были у начальника, получали задание, он увидел, что у ящика стола ручка разболталась и вот-вот сломается, тут же достал отвертку и молча все подвинтил.
  - Значит, мы не ошиблись, что Героем Соцтруда стал именно он.

Очень интересным было вручение орденов и медалей в пионерском лагере имени Героев-космонавтов. Открывая торжественный вечер, первый секретарь Иркутского обкома партии Семен Николаевич Щетинин сказал: «Кроме поздравлений и самых добрых пожеланий вам и вашим семьям, кроме благодарности за ваш труд, за то, каким является ваш комбинат по переработке урана (что было сказано впервые), хочу сказать со всей ответственностью: если бы не было вашего комбината, то не было бы и Ангарска и Иркутской области в том виде, в каком они есть сейчас».

Из книги Нины Прокофьевны Новокшеновой
«Мы жили в неизвестных городах»

ПЯТИДНЕВКА: впервые в СССР!

Как-то на заседании Военно-промышленной комиссии Горбачев долго объяснял собравшимся, что такое перестройка. Видно было, что терпению Славского приходит конец. «Что он говорит, — ворчал он, — кому надо перестраиваться, тому пусть и объясняет, а мы и так работать умеем.»

В стране пока не говорили о необходимости перехода на пятидневную рабочую неделю, но Виктор Федорович собрал работников ОНО-ТиЗ, плановиков, руководителей подразделений и попросил продумать порядок перехода на новые условия труда. Особенно важно было решить вопрос с транспортом и оплатой труда. Был разработан план перехода на пятидневную неделю всех основных цехов и комбината управления. Так, с мая 1959 года «дневники» перешли на работу по-новому, смены остались нетронутыми.

И начинается анекдотическая ситуация. В годовом отчете было указано, что комбинат перешел на работу с двумя выходными днями: субботой и воскресеньем. Никто ни из главка, ни из министерства не сделали никакого замечания (очевидно, его никто не читал). Но поскольку приезжали в командировки люди с родственных предприятий, то в главке стали задавать вопрос: «А почему комбинат Новокшенова работает с двумя выходными?» Начались приезды руководства из Москвы. Комбинат работает по-новому, ритмично, сбав никаких в технологии нет. Наконец, в министерстве не выдержали. Приехал началь-

ник ОНОТиЗ и потребовал отмены приказа «О переводе комбината на пятидневную работу». Виктор Федорович отказался, заявив: «Либо снимайте меня с работы, либо сами пишете приказ и идите на заводы, в цеха, объясняйте рабочим, чем вызвано такое решение». После бурных дебатов с высоким начальством был найден компромисс: инженерно-технические работники отделов и руководители цехов стали работать с двумя выходными через неделю. На очередном годовом отчете в министерстве директору был объявлен выговор, снята премия, и три года на всех совещаниях руководителей подразделений Минсредмаша он склонялся как человек, не признающий дисциплины, самоуправ и самодур. Но вот через три года Никита Сергеевич Хрущев проводит

совещание правительства и сетует на то, что надо бы переходить на пятидневку, а как это сделать, никто не знает, так как нет опыта. Тогда-то министр Ефим Павлович Славский и заявил, что опыт есть, у него есть комбинат с многотысячным коллективом, который уже три года так работает.

Через день спецрейсом в Москву улетел наш начальник ОНОТиЗ А.М. Татаринов со всеми схемами и документами по переводу на пятидневку. Спустя несколько недель вся страна перешла на новые условия труда. Новокшенов всегда шутил, что если за грехи его будут отправлять в ад, то все женщины за него заступятся.

Из книги Нины Прокофьевны Новокшеновой «Мы жили в неизвестных городах»

ПЕРВЫЕ И ЛУЧШИЕ

Виктор Федорович Новокшенов в любом вопросе доходил до самой сути и как бы мы ни готовились к совещаниям, он всегда подмечал «слабое звено» и задавал вопросы только по существу, от него было невозможно что-то утаить или отвертеться. Помню случай: в результате грозы сгорело дерево и повредился кабель, мы трапортовали о случившемся – но директор приехал лично, осмотрел место происшествия и сказал: «Сам электрик, но такое вижу впервые...»

На производстве для него не существовало мелочей, так же, как и не было не важных людей. Никакого чиновничества, высокомерия или общения свысока. Однажды мы с мужиками собрались в гараже за рюмочкой чая отметить 50-летия Константина Храмова, водителя Виктора Федоровича. И вдруг приезжает директор с Николаем Ивановичем Гульковичем, секретарем парткома комбината. Присел к нам и говорит: «Да ну это заседание парткома, я лучше с вами побуду!» Позже он, конечно, все же доехал до парткома, но своего водителя «уважил».

А в 1967 году на комбинат приехал трижды Герой Социалистического Труда, академик Анато-

лий Петрович Александров. Виктор Федорович поручил Николаю Ивановичу Трифанову подготовиться к рыбалке на озере вблизи Аршана. Так получилось, что у меня были сети и я попал в «высокую команду». На месте нас встречал дед, житель одной из деревень, хорошо знавший «рыбные места», но жуткий матерщинник.

Об Александрове тогда знали только в закрытых НИИ да на предприятиях, подобных нашему. Вся его работа была под грифом «Совершенно секретно». Уже после удачной рыбалки и сытного ужина директор с академиком уединились у костра, и мы старались не мешать их общению. И только дед-охальник составил им компанию, но, так и не разобрав из разговора, чем занимается московский гость, спросил напрямую: «Нет, ты мне все же объясни конкретно, что ты делаешь?» Александров решил уважить мужи-

ка и честно признался: «Про атомный ледокол слышали? Это наша работа». Дед махом оценил академика: «Ух ты! Какой ты умный оказываешься!», смачно приправив свое уважение русскими нелитературными выражениями.

Надо сказать, что Новокшенов стремился всегда идти в ногу со временем, и даже опережая его. Мы должны были быть во всем первыми и лучшими. А от всевидящего директорского ока нельзя было ни спрятаться, ни скрыться. Часто возвращаясь домой поздно вечером, он мог проехать по кварталу и проверить, например, все ли буквы «трудятся» на световой рекламе на крышах домов, или работу бегущей строки на здании АТС. И не дай Бог, какая-нибудь литера «отвалилась». Тут же звонок диспетчеру, и дальше эстафета: звонок мне как начальнику цеха связи, монтажникам. Ремонтировали сразу, не дожидаясь утра!

К любой работе директор относился как к самому важному «заданию партии». Копка картошки была для него не менее ответственным мероприятием, чем пуск завода. Один раз я, организовав труд своих подчиненных в Савватеевке и съездив в цех (там ведь также работу никто не отменял), возвращался обратно в поля. Навстречу директорская машина, Виктор Федорович строго спрашивает: «Ты почему приказ не выполняешь?» И после моих объяснений о том, что «урожай под контролем», уже подобрел: «И тогда чего машину гоняешь туда-сюда?!»

Виктор Федорович был руководителем от Бога: яркий управленческий талант, помноженный на производственный опыт, поразительную эрудицию, чутье на людей, равнодушие и колоссальную ответственность – такого сплава качества «высшей пробы» редко можно встретить в одном человеке. Но наш директор был как раз таким.

Виктор Алексеевич Житов,
заслуженный работник связи РФ,
начальник цеха связи (1966–2006 гг.)

ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД-САД

Я приехала в Ангарск в 1965 году и была принята на работу в п/я 79, так назывался тогда АЭХК. Принимал меня Виктор Федорович Новокшенов в своем кабинете и сразу же сказал, что условий для работы нет, но в перспективе будем строить оранжерейное хозяйство для нужд комбината и жилого района. Жилье было выделено через 5 месяцев – однокомнатная квартира, а до этого мы с мужем жили в гостинице «Южная», которую оплачивал комбинат. Работы было много, ведь мы благоустроивали жилой район. В 1967 году Виктор Федорович Новокшенов отправляет меня в командировку в Адлер для решения вопроса по закупке зеленых насаждений для ДК «Современник». Командировка затянулась на целый месяц – надо было решить вопрос с транспортировкой цветов, получить разрешение карантинной инспекции Красноярского края на их вывоз, от Иркутской области разрешение на ввоз, добыть вагон для цветов, нанять грузчиков, получить эти цветы, найти машины для подвозки их к вагону, нанять сопровождающего, чтобы поливал их в пути, заключить договора и еще много чего. Когда я приехала в Ангарск, решив все эти вопросы, Виктор Федорович дал мне месяц отгулов, но воспользоваться ими не пришлось, потому что надо было решить, где же «прописать» эти цветы, обеспечить уход за ними. Виктор Федорович лично возил меня, показывал, где можно расположить цветы, спрашивал, подойдет ли территория. Наконец остановились на ТПК, там же была выставлена охрана. Он переживал за все и лично все контролировал.

Однажды в 2 часа ночи раздался звонок в дверь. Спрашиваю: «Кто?». Отвечает водитель директора: «Надо ехать на ТПК. Машина с Виктором Федоровичем внизу». Оказывается, кто-то порубил лопатой опунцию (кактус). Охрану, естественно, уволили.

Виктор Федорович Новокшенов во все, даже мелкие дела вникал сам и помогал буквально во всем. Сдали ДК «Современник», отгремели фанфары. И приехал министр коммунального хозяйства России Лукаш со своим замом Евангелиди – посмотрели оформление ДК «Современник» и стали звать меня в Москву. Виктор Федорович очень долго смотрел на меня и, когда я не согласилась, остался доволен.

Многие помнят, как строилась база отдыха «Евтушенково». Мой начальник Иван Иванович Ивлев принес кипу проектов и сказал, что надо выбрать самый маленький домик. «Кто у нас будет строить? Одни пенсионеры».

Силами своих рабочих была простроена великолепная база отдыха, где с удовольствием отдыхали работники комбината и всегда говорили: «Низкий поклон нашему директору».

Таким же методом народной стройки была построена оранжерея. Все цеха принимали участие в ее строительстве. Ежедневно директор заезжал на площадку, контролировал ход стройки, подгонял нас, делал замечания.

Вот только не дожидаясь первых цветов, а всегда говорил: «Алла Максимовна, у нас столько заслуженных людей, у которых и дни рождения отмечаем, и другие нужды бывают. Как будет приятно получить букет цветов из рук администрации или директора. Это будет так здорово!

*Природа-мать! Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...*

Николай Некрасов

Да и условия вашей работы по выращиванию цветов для газонов комбината и жилого района изменятся». Не дожидаясь, не увидел.

Он уже лежал в больнице, но звонил мне и спрашивал, где я буду расставлять ящики с рассадой. «В те места, где раньше стояло, я полагаю, Вас не пустят», – говорил он. Но тут же советовал, как надо сделать. Впоследствии мне очень помогли эти советы. Это было за два месяца до его смерти. Виктор Федорович был единственный директор, кому до всего было дело. Его боялись, его уважали и вместе с ним создавали. И не было дня, чтобы его не вспоминали рабочие: копали картошку – он был там каждый день. К его приезду собирали на стол, варили картошку, и он всегда присаживался к людям, расспрашивал обо всем. Косили сено – он был там, подбадривая: «Ну что, ребята, сколько коровок будет сено есть?»

До сих пор вспоминаю, как он вдохновенно, просто, доходчиво и красиво рассказывал, как он 10 дней прожил при коммунизме, являясь делегатом XX съезда партии: «Я не буду рассказывать о директивах, которые приняли – это все прочтете и узнаете из газет. А вот что мы ели, где мы спали, какая была организация, из каких стран сидели представители, расскажу. Знаете, как нас переполняла гордость за нашу Родину, и как колотилось сердце, когда играл гимн... Это было просто неповторимо!» Загаив дыхание, мы слушали его.

И пусть во веки веков сохранится эта поистине лучезарная память о нашем великом первом директоре Викторе Федоровиче Новокшенове.

*Алла Максимовна Белова,
инженер-дендролог, ныне пенсионерка*

ЖЕНА АТОМЩИКА

Родился Виктор Федорович в городе Вятке в семье медиков. Позже семья переехала в Свердловск, но родители расстались. Маленькая хрупкая мама - Ольга Николаевна Новокшенова, работая на железной дороге фельдшером, сумела дать хорошее образование и сыну, и дочери. А за работу была награждена орденом Ленина. Виктор Федорович после семилетки окончил энерготехнический техникум и с 1932 года работал в системе «Уралэнерго». За безупречную работу в годы войны был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». В 1950-м был откомандирован на завод в Верх-Нейвинск. Начинать с аппаратчика, но через 9 (девять!) месяцев был назначен начальником цеха. Заочно закончил с отличием УПИ. А 4 сентября 1954 года был назначен директором п/я 79 в городе Ангарске.

Из книги

Нины Прокофьевны Новокшеновой
«Мы жили в неизвестных городах»

О Викторе Федоровиче при жизни написано было крайне мало. Из всех опусов помнятся, пожалуй, разоблачительные статьи. Скольких «собак вешали» бойкие журналисты на директора за его неплавное строение культуры! Но канули в Лету все нападки, а добрая память осталась.

Когда говоришь о Викторе Федоровиче, невольно имеешь в виду и Нину Прокофьевну – его супругу, наделенную талантом руководителя культуры, женщину, создавшую в семье подлинный культ прекрасного.

Невольно вспоминаешь другого большого писателя – Константина Георгиевича Паустовского. Вполне убедительно звучат его слова: «Такие семьи с многолетними культурными и трудовыми традициями были украшением провинциальной жизни, своего рода очагами передовой мысли»..

Мне приходилось встречаться с В.Ф. Новокшеновым. Бросались в глаза его внимание, доброжелательность и неподдельный интерес к проблемам культуры. Вот почему в его доме можно было встретить В. Распутина и Е. Евтушенко, Б. Окуджаву и М. Сергеева – литераторов, В. Роголя и Г. Новикову – художников... Да разве всех назовешь!

Директор пытливо расспрашивал писателей, журналистов и музыкантов об их работе, о делах в литературе и искусстве. И хотя никогда не щеголял эрудицией, чувствовалось, что все эти темы ему близки и не просто благодаря его любознательности, а с мыслью, что могут принести пользу Ангар-

ску. Только иногда Виктор Федорович позволял себе внести в беседу какой-нибудь штрих из своей жизни или близко знакомых ему людей.

Память сохранила эпизод.

Виктор Федорович пожаловался на годы: пора, мол, подумать о пенсии. Мы напомнили ему о его министре Е.П. Славском, он был старше Новокшенова на 15 лет, а все стоял у руля Минсредмаша...

– Да, Ефим Павлович закалку получил в Первой конной у Буденного... Недавно тяжело заболел, перенес труднейшую операцию, а ему – за восемьдесят...

Новокшенов задумался, словно что-то припомнил.

– Так вот очнулся Ефим Павлович после операции, попросил пить. Медсестра мгновенно подает ему морс. Министр мотает головой: не то. И говорит, что ему нужен коньяк.

Медсестра в ужасе бросается за лечащим врачом, и тот берет на себя ответственность. А Ефим Павлович после коньяка пошел на поправку, и вот Нина (Новокшенов указал на жену) слышала на днях, как он по телефону рычал. Чего греха таить, у министра из пяти слов три не для женского уха. Вот он с Ниной знаком, может, поэтому и со мной бывает порой галантным...

Именно Нине Прокофьевне во многом обязан Ангарск той духовной атмосферой, что царил тогда в городе. Были и такие, что ее добрые дела списывали на всемогущего в городе любящего мужа. Но Нина Прокофьевна даже представлялась незнакомым по своей девичьей фамилии Шибченко, не важничала, а зачастую делала самую что ни на есть черновую работу.

Особое место в жизни Новокшеновых занимала поэзия Евгения Евтушенко, который по-сыновьи был принят в их доме. Поэт частенько навещался в Ангарск – почитать новые стихи, куски прозы и поужинать с Виктором Федоровичем за чашкой крепкого чая.

...Появилась в Ангарске улица Новокшенова. Память о выдающемся директоре, которого долгие годы называли «атомщиком», увековечена. И в очередной раз к этому приложила руку Нина Прокофьевна Новокшенова.

Владимир Ивашковский

СЕМЬЯ - как много в этом слове...

Э то одно из любимых высказываний Виктора Федоровича. Он очень любил быть в семье. Для него поехать в командировку, в Москву или Ленинград было наказанием. И бывал он там самое большее три дня. За это время он мне ежедневно умудрялся дважды позвонить: днем на работу, вечером домой. Но если приходилось уезжать ему на учебу в Москву, в санаторий, то мы ежедневно писали друг другу.

Искусство почиталось дома во всех его проявлениях, начиная с книг. А библиотека у нас выросла до 4,5 тысяч томов, и стояли они у нас не для антуража, но каждая книга была кем-то из нас прочитана, а некоторые перечитывались несколько раз.

Практически мы не пропустили ни одной премьеры в иркутских театрах. Особенно теплые отношения были с директором Театра музыкальной комедии Николаем Матвеевичем Загурским и его женой народной артисткой Верой Макаровной Пясковской. Ежегодно в мае были гастролы театра в «Современнике» перед поездкой по стране. А когда у театра случилась беда – сгорело здание, то на четы-

ре месяца наш ДК стал стационарным местом для театра. И ангарчане очень поддержали актеров — все спектакли шли с аншлагом.

Всей семьей мы ездили на выставки иркутских художников. И, конечно, все мы были на 120 персональных выставках в «Современнике».

Музыка в доме звучала постоянно: то дети учили уроки по специальности на фоне, то с большой магнитофонной кассеты звучали Окуджава, Высоцкий, Макаревич, битлы. Да и Большой любил посидеть за пианино. Он в наш приезд сыграл мою любимую «Баркаролу» Чайковского. А Витя, уже окончив музыкальную школу, и сейчас любит посидеть за пианино. Особенно красиво звучит музыка, когда они с Мариной играют в четыре руки. Дети подросли, окончили музыкальную школу № 2, и теперь в доме звучит еще и Олина скрипка.

Так в ежедневных хлопотах – работа, учеба детей в школе, а потом и в институте – пролетели двадцать пять лет жизни нашей семьи.

Из книги Нины Прокофьевны Новокшеновой
«Мы жили в неизвестных городах»

НАШ «ЕРМАК»

Но не может человек только трудиться, не получая ничего для души, для отдыха. Вот почему у нас на комбинате спорт занимал достойное место. СК «Ермак» был подлинным очагом занятий для спортсменов. Многие хоккеисты «Ермака» играли в высшей лиге, а кое-кто и в канадских профи. Нина Чалова была четырехкратной чемпионкой СССР. Виктор Димиденко – двукратный чемпион мира по велоспорту. Десятки мастеров спорта в легкой атлетике были воспитанниками «Ермака».

У нас был лучший лед в стране. Константин Константинович Кудрявцев привозил к нам сборную страны по конькам. На нашем льду тренировались Воронина, Рылова, Лидия Скобликова, Стенин, Косичкин, Гришин и многие другие. Они всегда с большой радостью приезжали к нам: «Родной Швейцарией» называли наш пионерлагерь биатлонисты, приезжавшие к нам зимой на тренировки во главе с А. П. Тихоновым. В общем, любителям спорта было где заняться, что и у кого посмотреть и у кого поучиться. И не зря несколько лет ты избирался в состав ЦК спорта нашего министерства.

Если говорить о руководителях СК «Ермак», то прежде нужно вспомнить Борю Анисимова. Сам отличный спортсмен, мастер спорта по конькам, великолепный организатор. И очень жаль, что уговорили его уехать в Киев директором спортивного зимнего стадиона. Какие встречи мы с ним проводили в «Клубе интересных встреч»!

Брумель приехал к нам прямо от Илизарова из больницы, А. Тарасов приезжал лично, проводил «Золотую шайбу» по Сибирской зоне. А после соревнований в Сибирской зоне выступила у нас в полном составе вся волейбольная «Уралочка». И осталась память для потомков – хромированные доски с датами и фамилиями выступлений и ре-

Конечно, это заслуга Виктора Федоровича Новокшенова, что у нас в городе появился хоккей с шайбой. Больше того, нам серьезно помог проект Новокшенова, который он сделал в семидесятых годах. И очень здорово, что нам удалось воплотить его мечту - построить крытый стадион «Ермак». Так что справедливо, что стадион теперь носит его имя.

*Александр Быков,
директор НП «Хоккейный клуб «Ермак»*

кордов выдающихся спортсменов, выступавших на наших стадионах.

Из книги Нины Прокофьевны Новокшеновой
«Мы жили в неизвестных городах»

С кого начался хоккей в Ангарске

Вспоминает первый тренер хоккейной команды «Ермак» Константин Константинович Логинов:

- Иркутская команда «Спартак» была признанным лидером хоккея с шайбой, туда Виктор Новокшенов, директор АЭХК, и отправил своих гонцов. А те сразу приметили меня и пригласили в Ангарск создавать команду мастеров. Так в 1958 году я стал тренером коллектива физкультуры «Труд» (так тогда называлась хоккейная команда).

Тренироваться мы начали по всем правилам «спортивной науки», спуску никому не давал и сам старался: например, кроссы бежал с командой, но бежал последним, смотрел, чтобы игроки не филонили. Результат таких тренировок был уже в 1959 году: ангарский «Труд» занял первое место по стране среди производственных коллективов. А другой, не менее важный результат - в Ангарске начался настоящий хоккейный бум, билетов на матч было не достать.

Весь город болел за свою команду.

Уже в то время я понимал, что нужна хоккейная школа для детей, планировал открыть ее в ближайшие годы. Когда сказал об этом Новокшенову, тот отрезал:

- Ждать не будем! Школу создавайте сегодня!

И создали группу подготовки, в которой занимались 100 мальчишек.

В 1964 году коллективу физкультуры было присвоено звание спортивного клуба «Ермак». Здесь шли тренировки по десяти видам спорта!

По материалам газеты «Время»

В феврале 2015 года на заседание общественного Совета по наградам администрации города Ангарска принято решение об увековечивании памяти Виктора Федоровича Новокшенова. Теперь ледовый дворец спорта «Ермак» будет носить имя легендарного первого директора АЭХК и основателя ангарского хоккея, также будет установлена мемориальная доска. С такой инициативой выступили Виктор Шопен, экс-директор АЭХК, почетный гражданин города Ангарска и депутат Законодательного собрания Иркутской области, и коллектив АО «АЭХК».

Такое решение не случайно, ведь В.Ф. Новокшенов стоял у истоков хоккея, самого популярного среди ангарчан вида спорта. Его забота не ограничивалась только созданием хоккейной команды и возведением ледового дворца, он помогал получать образование, решать бытовые вопросы, все нужды и чаяния хоккеистов были в поле зрения Виктора Федоровича. Именно по его инициативе в те далёкие годы был сделан первый и единственный от Урала до Дальнего Востока искусственный лёд, первая юношеская школа, где и по сей день готовят игроков для национальных хоккейных команд. Уже в наше время сбылась мечта Виктора Федоровича – ледовый дворец спорта «Ермак» обрел крышу и теперь является одним из самых крупных крытых дворцов спорта в Восточной Сибири.

Любимый «СОВРЕМЕННОК»

В начале 1960-х годов стало понятно, что «временка» - клуб «Комсомолец», который в юго-западной части города был культурным центром (ул. Фестивальная; 192 квартал, дом 13), стала тесной для жителей нового района Ангарска. Именно в этом клубе зародились первые творческие коллективы, клубы и традиции. Но хотелось большого Дворца культуры.

Специалисты капитального строительства АЭХК подыскивали приемлемый по тем временам проект клуба на 800 мест. Получив добро в Министерстве среднего машиностроения, пригласили ленинградских архитекторов. В короткие сроки проект был разработан. Специалисты Ангарского управления строительства с большим энтузиазмом приняли заказ. К успешному сооружению дворца приложил руки Ангарский филиал института «Оргстройпроект», выбрав удачную площадку. Стройка росла на глазах. Мебель, оборудование сцены, электрическую часть обеспечили предприятия-поставщики Ленинграда, Риги, Тольятти, сверх заказов по году. Одежду сцены изготовили в мастерской Московского художественного театра. Дендролог АЭХК Алла Максимовна Белова добилась и организовала доставку из Крымского совхоза южных культур всего того, что красуется и поныне в холлах Дворца. А первым дендрологом Дворца и «хозяйкой» зимнего сада была Нина Митрофановна Головаченко.

Распоряжением Иркутского областного управления культуры от 6 июля 1966 года Людмила Владимировна Тараненко (Черных) была направлена на работу в «почтовый ящик №79» директором строящегося Дворца. В это же время объединенный комитет-37 (ОЗК-37) пригласил на должность директора строящегося Дворца заместителя директора по хозяйственной части ОКБА Петра Ивановича Лукашева. Директор АЭХК Виктор Федорович Новокшенов совместно с П.И. Лукашевым предложил Л.В. Тараненко приступить к работе директором клуба «Комсомолец» и формировать штат будущего Дворца культуры согласно штатному расписанию и готовить цеховую заводскую самодеятельность к открытию Дворца. В клуб «Комсомолец» была

приглашена художественным руководителем Валентина Дмитриевна Гаева, принят на работу руководителем духового оркестра Юрий Юрьевич Орешков, приглашены из Новосибирска режиссеры Людмила Александровна Мамонтова и Георгий Нухимович Мамонтов в театральный кружок, ставший впоследствии народным театром «Факел».

Самым первым коллективом, пришедшим на занятие в новый Дворец из клуба «Комсомолец», был вокальный ансамбль «Алёнушка» (руководитель Тамара Петровна Просвирина). С большой радостью жители особенно юго-западной части Ангарска встретили весть об

открытии 21 октября 1967 года Дворца культуры «Современник». Официальное открытие Дворца состоялось 22 октября 1967 года, оно было приурочено к 10-летию пуска комбината. Этот день считается днём рождения Дворца. Накануне было рассмотрено два варианта проведения открытия: пригласить Театр музыкальной комедии г. Иркутска, или Дворец будет открывать самодеятельность АЭХК, которая в то время занималась в клубе «Комсомолец». Виктор Федорович Новокшенов однозначно сказал: «Открывать будет самодеятельность завода!». На сцене в день открытия выступал большой академический хор (75 человек, рук. Валентина Дмитриевна Гаева, солист Борис Динеев), выступали певец Геннадий Карасик в сопровождении духового оркестра (рук. Юрий Орешков) и бас

Юрий Иванович Овчинников. Тогда же впервые прозвучал дуэт «Лизы и Полины» из оперы Чайковского «Пиковая дама», который исполнили Нина Ивановна Кожевникова и Надежда Константиновна Баханова. А эстрадный оркестр под руководством Юрия Ледекера блеснул своим репертуаром. Дуэтом пели Сергей Никитушкин и Валентин Андреев, танцы готовили Елена Кондратьевна Белова и её муж Геннадий Освальдович Виллепп. Путевку в активную творческую жизнь коллективу дал кинорежиссер Сергей Апполинариевич Герасимов, организовав смотры Дворца и съемки во Дворце художественного фильма «У озера». В этом фильме индийский танец исполняет Наташа Калинина (сейчас Беляевская), а аккомпанировал ей Владимир Кузин. Этот номер также исполнялся на открытии Дворца культуры «Современник».

Из клуба «Комсомолец» сразу перешёл в ДК «Современник» эстрадно-духовой оркестр под руководством Александра Константиновича Лобанова, впоследствии известный как ВИА «Искры»; танцевальный коллектив Е.К. Беловой-Виллепп; студия солистов-вокалистов под руководством В.Д. Гаевой.

ДК «Современник» развивался, расширялась его творческая палитра. В 1968 году ангарчан покорила невиданная доселе цирк (основатель Дмитрий Вениаминович Певзник, профессиональный цирковой артист); были организованы хор русской песни (руководитель Р.Ф. Сакаль), ансамбль народного танца (руководитель С.Н. Шестакова). В это же время начали работать лектории, народные университеты, проводи-

лись дни политинформации, открылись клубы «Молодая семья», «Зеленая лампа», любителей поэзии, филателистов, клуб интересных встреч, подаривший зрителям незабываемые встречи с Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, А. Фрейдлих, М. Сергеевым и другими. Проводились КВНы, олимпиады, тематические вечера и грандиозные праздники Победы на хоккейном корте «Ермак», выставки художников, чьи картины заботливо сохранялись для картинной галереи в дар потомкам. Всё это происходило под непосредственным руководством директора АЭХК В.Ф. Новокшенова.

Сегодня «Современник» имеет более 30 творческих формирований самых разных жанров и направлений: танцевальные коллективы, два народных театра, ансамбль скрипачей, клубы садоводов, ветеранов, экскурсоводов, филателистов. Шесть коллективов носят звание «Народный».

Это «Факел» (год создания 1968), театр «Алые паруса» (1968 год) танцевальный ансамбль «Веснушки» (1968 год), цирк «Круг надежды» (1968 год), ВИА «Искры» (1971 год) и хоровая студия «Преображение» (1994 год). Народный театр «Факел» стал основателем Всероссийского театрального фестиваля «Сибирская рампа». С 2000 года статус фестиваля стал международным и получил прописку на острове Ольхон на Байкале.

Звание лауреатов и дипломантов различных конкурсов и фестивалей имеет практически каждый коллектив Дворца. Ангарские артисты гастролировали за рубежом: в Италии, Англии, Германии, Болгарии, в Монако.

Дворец культуры «Современник» — мощнейшая индустрия по организации и проведению отдыха различных слоев населения города Ангарска, это активный пропагандист народного творчества, просветитель, воспитатель. За год коллектив Дворца культуры проводит 600-650 мероприятий, на которых бывает более 150000 человек. Это самые разные вечера, конкурсы, утренники и балы для детей, шоу-программы, благотворительные акции, встречи ветеранов, отчетные и юбилейные концерты, праздники в парках, на площадках и стадионах, концерты и спектакли артистов-профессионалов, тематические вечера для АЭХК и предприятий города и области.

Гостями Дворца культуры «Современник» в разные годы были летчики-космонавты СССР, дважды Герои Советского Союза Гречко Георгий Михайлович и Горбатко Виктор Васильевич.

На его сцене выступали прославленные актеры, народные артисты П. Лисициан, Л. Сахьянова, Б. Штоколов, Н. Крючков, И. Владимиров, А. Фрейдлих, О. Ефремов, В. Хохряков, поэты Е. Евтушенко, Р. Рождественский, Б. Ахмадулина, а также спортсмены А. Тарасов, В. Брумель, И. Трегубов, А. Рагулин.

Все годы (с 1968 года по настоящее время) Дворец культуры «Современник» играет огромную роль в формировании эстетического и нравственного уровня работников АЭХК и горожан.

ПОДАРОК ГОРОДУ и его жителям

И еще одно большое дело было сделано для всех ангарчан – построен водноспортивный комплекс. Его строительство могло закончиться для всей семьи трагически. Но, как сказал министр, осмотрев комплекс: «Счастье твое, что ЦК приняло решение «О развитии спорта и строительстве спортооружений». А какой красивый был праздник на открытии водноспортивного комплекса! И несмотря на то, что спортсмены бросили Виктора в одежде на стометровую водную дорожку, он великолепно прошел ее. Когда смотрим фотографии, с удовольствием вспоминаем моменты открытия. Тысячи ангарчан, пройдя 10-12 минут от трамвайной остановки через сосновый лес, оказывались на берегу озера, окаймленного лесом. Купались в нем с мая по ноябрь, так как вода, идущая от корпусов комбината, была круглый год +21...+26 градусов. Водноспортивные праздники, сдача норм ГТО по всем возрастам, тренировки... Но самое главное – закладка ребятшек, родители которых не имели возможности свозить детей на юг к морю. А сколько из них научились здесь плавать!

Прошли годы, и сегодня на Еловском водноспортивном комплексе проходят соревнования на приз В.Ф. Новокшенова, в которых принимают участие люди всех возрастов.

Из книги
Нины Прокофьевны Новокшеновой
«Мы жили в неизвестных городах»

Он остался для нас ЭТАЛОНОМ

Я пришел на комбинат молодым специалистом и несколько лет проработал на АЭХК, которым еще руководил Виктор Федорович Новокшенов. Это был легендарный человек, построивший и запустивший комбинат. Он принадлежал к плеяде ярких, эффективных и неординарных руководителей первых атомных предприятий страны, таких как Герой Социалистического Труда Иван Николаевич Бортников, директор электрохимического завода в городе Зеленогорске с 1958 по 1978 год, Герой Социалистического Труда Андрей Иосифович Савчук, директор Уральского электрохимического комбината с 1960 по 1987 год (Новоуральск), Герой Социалистического Труда Степан Иванович Зайцев, директор Сибирского химического комбината с 1965 по 1990 год (Томск-7, или Северск). Крепкий хозяйственник, строгий и требовательный руководитель, Виктор Федорович не только жил комбинатом, но и не забывал о жилом районе и использовал любую возможность сделать жизнь жителей Ангарска лучше.

Так, например, комбинат потреблял очень много воды. Теплую «отработанную» воду было решено использовать для создания Еловского водохранилища, где горожане смогли отдыхать и купаться в очень комфортных условиях. Тем более технологии позволяли очистить эту воду и сделать ее еще раз полезной.

В 2008 году, когда Евгений Евтушенко приехал в Иркутскую область, он попросил нас (а я тогда руководил АЭХК) организовать ему поездку на могилу Виктора Федоровича. Он очень ценил дружбу с Виктором Федоровичем и в своем плотном графике визита на родину, нашел несколько часов, чтобы «увидеться» с другом.

Виктор Федорович вырастил много ценных, опытных и высококлассных специалистов. И для тех, кто прошел «школу Новокшенова», он навсегда остался эталоном, по нему сверяли свое отношение к производству, людям, жизни.

Александр Андрианович Белоусов,
генеральный директор АО «УЭХК»

КЛУБ веселых и находчивых

Во второй половине 60-х на голубых экранах СССР появился новый вид развлекательных мероприятий - КВН. АЭХК тут же включился в эту игру, которую возглавила Нина Прокофьевна Новокшенова, заслуженный работник культуры РСФСР и супруга Виктора Федоровича Новокшенова.

Пропуск в высшую лигу

Среди команд высшей лиги (подразделений основных цехов) была команда «Гном» второго электролизного цеха. Капитан команды Станислав Девятков, члены команды Гарри Азнаурьян, Геннадий Карасик, Сергей Никитушкин, Василий Кочепуд, Вячеслав Матвеев, Юрий Краснов. Итого 7 гномов и одна Белоснежка в лице Людмилы Ивановой, ныне известного председателя Союза садоводов Людмилы Алексеевны Безвидной.

Первым испытанием была встреча «Гномов» с командой «НеСовершеннолетних», которую лично возглавил Владимир Иванович Дрождин, начальник цеха, по природе своей поражений не терпевший.

Театральный зал ДК «Современник» разделен лентой на две половины, и обе заполнены болельщиками. Команды шли очко в очко, оставалась последняя дисциплина. Нам выдали по листу ватмана. Следовало в течение трех минут изобразить самое грозное оружие второй мировой войны и сочинить про него стихотворение. Когда я приступил к работе, пробегавший по сцене Сергей Никитушкин опрокинул гуашь и залил мой ватман. Делать было нечего и некогда: зеленый цвет я превратил в маскировку, черный в «Катюшу», а красный в залп. Поэт Михаил Каверзнев метался за кулисами - стихи у него не получались.

Первыми по жребию выступали «НеСовершеннолетние». Алексей Шабалин, студент-заочник отделения журналистики, читал длинное литературное описание, а художник Андрей Михайлович Иванов держал на весу ватман с «грозным оружием». Миша Каверзнев все не появлялся, и я, держа свой «шедевр», с ходу выдавил из себя экспромт:

«Не было оружия лучше
В эти грозные года:
Наша русская «Катюша»
Запоет - вот это да!»

Жюри, которое состояло из артистов иркутских театров, под бурные аплодисменты болельщиков оценило мои труды в 1,5 балла из 2, а «НеСовершеннолетних» - в один.

Девять побед и ни одного поражения

Предстояла встреча с объединенной командой цехов химзавода. Неутомимый хохмач и юморист Борис Громышев не без участия остроумных «Гномов» придумал сверхсекретное оружие, которое должно было обеспечить победу. Для него изготовили огромное фанерное полотно в багете. На нем надо было изобразить картину Ильи Ефимовича Репина «Бурлаки на Волге», где вместо парусных мачт - трубы химзавода. Для достоверности я бегал на химзавод - срисовывал с натуры. Вместо лиц бурлаков были наклеены фотографии руководителей химзавода во главе с его директором Пикаловым.

Работа проводилась в строгой секретности. Готовая картина была подвешена над сценой и в нужный момент опущена на нее как дар будущей картинной галерее химзавода. Эффект был ошеломляющий! Болельщики рванули на сцену, и лишь грозный окрик Н.П. Новокшеновой смог остановить хохочущую толпу.

В чем был секрет «Гномов»? Девять побед и ни одного поражения! Тогда шутили: девять Девяткова. А секрет проще простого: подобралась команда действительно веселых и находчивых людей. К примеру, Стас Девятков не проиграл ни одной словесной дуэли капитанов, хотя на внешний вид весельчаком не был, а умником - бесспорно. «Гном» Азнаурьян (именно по его предложению так была названа команда) мог придумать столько хохм такого качества, что все хватались за животы, а Василий Кочепуд своим смехом буквально заражал окружающих. И всем в те годы было ясно, в чем смысл и радость жизни: в труде, семье, дружбе. Правда, в то время нельзя было хохотать

над членами партии и правительства, тем более их критиковать. Сегодня все можно, но стало ли нам от этого веселее жить?

Виктор Федорович Новокшенов вникал во все сферы жизни соцгорода. Однажды перед очередной игрой он заглянул в комнату, где шли последние приготовления, и спросил: «Чем заняты?» Я тут же нашелся: «Кую победу из отходов производства!» Всем было весело, все смеялись, не думая о завтрашнем дне.

Михаил Петрович Ткаченко,
пенсионер, заслуженный работник АЭХК

Идут белые снега...

Виктор Федорович обожал Женю Евтушенко. В доме были самиздатовские сборники его стихов. В то время Евгений Александрович был в опале: его стихи нигде не издавались. В воспоминаниях о Марке Сергееве он сам напишет: «Мне было так плохо, оскорбления были так отвратительны, что временами, честно говоря, просто не хотелось жить. В таком состоянии я полетел на Родину, в Сибирь».

Леня Шинкарев познакомил нас с Евгением Александровичем, и мы не могли упустить случай – его выступление в Клубе интересных встреч ДК «Современник».

Это был удивительный вечер. Кроме лирики, Женя прочитал «Итальянские слезы»:

*Возле Братска, в поселке Анзеба,
Плакал рыжий хмельной кладовщик.
Это страшно всегда до озноба,
Если плачет не баба — мужик...*

Зал замер, было ощущение, что в зале никого нет. Затем шквал аплодисментов. Теплый прием и понимающий слушатель положили начало встречам с ним раз в два года.

Есть у меня две афиши его концертов. Одна московская – его концерт должен был быть

в Колонном зале, но накануне концерта наши войска вошли в Чехословакию. Женя послал Брежневу на нескольких листах телеграмму протеста. Концерт не состоялся, а на афише Женя написал: «Это мой лучший концерт». На второй афише: «Маме всех моих концертов в Ангарске».

Когда Виктор Федорович был делегатом XXIV съезда партии, то в первый же вечер после заседания Женя приехал за нами, и мы целый вечер провели у него. Как только мы зашли в квартиру, я сказала, что не уйду отсюда до тех пор, пока Женя не напишет стихотворение в «Нинокколу». Женя поставил на стол «Киндзмараули», фужеры, а сам ушел в соседнюю комнату. Пока я чистила омуль и накрывала на стол, он вышел и прочитал:

*Милые, родные Новокшеновы,
Если вместе мы, то в глубине
Снова дорогое, что-то школьное
Тихо просыпается во мне.
И когда, смотря угрюмой мачехой,
Смерть наложит на уста печать,*

*Будущее будет Вашим мальчиком
Пальчиком по клавишам стучать.
Но среди устоев поколебленных
На опасном льду, на сквозняках,
Я катаюсь лихо на серебряных
Твердых новокшеновских коньках.*

Что значит талант! В трех четверостишиях точно передал отношения двух семей. Теплоту наших встреч, надежду на то, что Витя будет достойным сыном своего отца, и то, что мы в самое трудное время поддержали его. Даже не забыл, как в один из его приездов Виктор подарил ему коньки и они вместе ездили «погонять» шайбу на льду СК «Ермак».

До сих пор непонятно, как в то время в сборнике «Я сибирской породы» напечатали стихотворение «Карликовые березы», В.Ф. Новокшенову посвященное!

Прошли годы, но дружба осталась с нами. Последний приезд в Ангарск с семьей и группой поэтов России, Америки и других стран — верное тому подтверждение

Из книги Нины Прокофьевны Новокшеновой
«Мы жили в неизвестных городах»

МОЗАИКА НАШЕЙ ЖИЗНИ

Шестнадцать мозаичных картин (панно) уже много лет являются визитной карточкой части города Ангарска, именуемой «кварталом». В конце 1960-х годов директор АЭХК Виктор Федорович Новокшенов дал группе молодых талантливых художников непростую задачу: расписать все торцы «квартальных» домов маслом или гуашью. Николай Терехов, Николай Горохов и Константин Воеводин и другие художники приняли эту идею. Смущало только одно - недолговечность такой росписи. К счастью, в это время Николаю Терехову выпала возможность побывать в командировке. В Москве он познакомился с Клавдией Тутеволь, художником-монументалистом. Благодаря ей и родилась идея использовать на торцах домов новую технику - мозаику.

«Это была трудоемкая работа, но результаты нашего труда до сих пор у всех на виду. Мы уйдем, а наши произведения останутся, - рассказал в одном интервью Николай Терехов. - Секрет их долговечности в том, что между камнями надо оставлять швы (не менее сантиметра) и поглубже садить материал в цемент».

Первые две мозаики появились в 1969 году. В искусных руках художников заговорили камни, в поисках которых энтузиасты обследовали все бухты и пещеры Байкала. Результат - ни один камень, использованный в работе, художники не

шлифовали и не красили. Камни гармонично вписывались в панно благодаря своей естественной окраске. В ход шло всё, что под ногами валялось: галька, щебенка, осколки цветного стекла, отходы керамической плитки и кирпича.

У них не было огромных мастерских, где они могли бы создавать макеты будущих панно. Проект, разработанный на бумаге, переносили на реальную стену четырехэтажного дома. Работали на ощупь, путем проб и ошибок. Например, на создание панно «Декабристы в Сибири» ушло около 35 тысяч кусочков керамики (вся мозаика состоит из 40 плит, в каждой из которых 650-750 керамических осколков), а чтобы «раскрасить» лицо Ленина на мозаике «Пролетариат», потребовалось использовать осколки керамической плитки десяти цветов и оттенков.

Многие из картин хранят свои секреты. Например, центральная фигура знаменитой мозаики «Революция», в народе именуемая «Ангарской Марсельезой», была скопирована с Лидии Ивановны Гороховой, верной жены художника Николая Горохова.

За 6 лет кропотливого труда ангарские умельцы создали целый музей под открытым небом - музей, который работает круглосуточно и бесплатно, куда могут прийти и взрослые, и дети. Их шедевры всегда на виду.

«Квартал» также украшает панно «Курчатов», автором которого является Николай Горохов. Он использовал новую для себя технику - рельефную выколотку в алюминии. Панно расположено на доме № 12 квартала 182.

Клавдия Александровна Тугево́ль в 1938 году закончила Иркутское областное художественное училище изобразительных искусств. Её дипломной работой стал горельеф на здании по улице Канадзавы, дом 3. Эта работа была отмечена приехавшими в тот год столичными преподавателями, которые пригласили её в Москву для продолжения образования. В 1938 году Клавдия Тугево́ль поступила в МГХИ им. Сурикова, который закончила с отличием. С 1948 года К. Тугево́ль работает в качестве художника-монументалиста. В 1975 году решением Президиума Верховного Совета РСФСР К.А.Тугево́ль получает звание «Заслуженный художник РСФСР». Наиболее известные работы: плафон зрительного зала Театра оперы и балета имени Абая в Алма-Ате, мозаика на здании Института физкультуры в Москве. Многие живописные и графические работы Клавдии Тугево́ль находятся в частных коллекциях в России и за рубежом.

№ п/п	Название мозаичного панно	Автор(ы)	Год создания	Место расположения
1	Во имя человека	Н. Терехов, Н. Горохов	1969	Квартал 182, дом 8
2	Для блага человека	Н.Терехов, Н. Горохов	1969	Квартал 188, дом 6
3	В. И. Ленин	Н. Терехов	1970	Квартал 188, дом 1
4	Торжество социализма	К. Воеводин	1970	Квартал 188, дом 17
5	Пролетариат	В. Федорин	1970	Квартал 182, дом 14
6	Революция	Н. Горохов	1970	Квартал 182, дом 13
7	Старая Сибирь	Н. Терехов	1971	Квартал 188, дом 4
8	Космонавт	К. Воеводин	1971	Квартал 188, дом 15
9	Новая Сибирь	Н. Терехов	1972	Квартал 188, дом 2
10	Академик Королев	Н. Горохов	1972	Квартал 182, дом 10
11	Воин-победитель	К. Воеводин	1972	Квартал 188, дом 16
12	Байкал	К. Воеводин	1973	Квартал 188, дом 7
13	Ангара	К. Воеводин	1974	Квартал 182, дом 7
14	Сенатская площадь	К. Воеводин	1975	Квартал 182, дом 16
15	Декабристы в Сибири	Н. Горохов	1975	Квартал 182, дом 1
16	Послание в Сибирь	К. Воеводин	1975	Квартал 178, дом 1

ОН ВЕРИЛ В ЛУЧШУЮ ПОЛОВИНУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В этом году исполняется 70 лет со дня основания атомной промышленности СССР и 100 лет со дня рождения первого директора Ангарского электролизного химического комбината Виктора Федоровича НОВОКШЕНОВА (1915—1987 гг.). Виктор Федорович начал работать в 1932 году в системе «Уралэнерго», в годы войны был там главным диспетчером, в 1950 году – начальником цеха на комбинате в Свердловске-44. С 1954 года – директор Ангарского электролизного химического комбината. С этого момента его жизнь неразрывно связана с Ангарском. Виктор Федорович оставил в истории города не просто след – целую дорогу. Сегодня о первом директоре комбината мы поговорим с экс-директором АЭХК Виктором Пантелеймоновичем ШОПЕНОМ, почетным гражданином города Ангарска, депутатом Законодательного собрания Иркутской области.

– Вы помните, как всё начиналось? Каково было Ваше первое впечатление от города, комбината?

– Конечно. Мой трудовой стаж начинается с 1961 года. Но на предприятии я появился раньше, в августе 1960 года. Приехал на дипломную практи-

ку, да тут и остался, уговорил жену перебраться сюда из Москвы. Тогда Ангарск, как и Иркутская область, был на слуху. Строился нефтехимический и электролизно-химический комбинаты, Братская ГЭС. Наш директор, Виктор Федорович, был направлен в Ангарск 4 сентября 1954 года, тогда комбинат назывался «почтовый ящик №79». Строилось третье в СССР предприятие по обогащению урана для производства ядерного оружия. Впоследствии урановая продукция комбината стала применяться в изготовлении тепло-выделяющих элементов для атомной энергетики. Создание в Восточной Сибири предприятия по переработке урана (конверсия и обогащение) решало острейшую для того времени проблему: достижение равновесия в ядерном противостоянии двух великих держав – Соединенных Штатов Америки и Советского Союза.

Меня поразили темпы строительства. Небывальное. С начала стройки в сентябре 1954 года до 1957 года, когда была выпущена первая продукция комбината, прошло всего три года! Размах и масштаб уникальные! С 1957 по 1963 годы были построены и сданы в эксплуатацию практически все основные промышленные объекты одного из крупнейших в стране атомных комбинатов. В это же время была пущена ТЭЦ-10, построен Юго-Западный район города Ангарска. Этот район многие до сих пор называют «кварталом», а когда-то он назывался «Новокшеновой». И в каждом квартале этого жилого массива строились детские учреждения, магазины, а школы возводились в шаговой доступности.

– Чем Вам запомнился первый директор электролизно-химического комбината?

– Виктор Федорович был не только очень неординарным, но ещё и очень смелым человеком. Возглавить в 39 лет строящийся комбинат атомной промышленности – на это не каждый решится. Он первый вводил различные новшества, сам творил историю предприятия, начав строить буквально в чистом поле. Так, например, известно, что на территории строительства будущего

комбината он лично срубил первую сосну. Он же спустя три десятка лет вывернул первый болт с демонтируемого оборудования ушедшего в историю газодиффузионного завода.

Новокшенов первым в СССР ввел на комбинате пятидневную рабочую неделю, за что получил строгий выговор. Однако этот опыт оказался успешным, и в 1960-х годах на пятидневку стали переводить все предприятия страны.

Благодаря реконструкциям, которые первый директор провёл на комбинате, внедрению инновационных технологий, мощность разделительного завода была увеличена в 2 раза, а сублиматного – в 4 раза. Но самая главная заслуга Виктора Федоровича – переход с газодиффузионного метода обогащения урана на центробежный. На тот момент, в 1983 году, я был директором разделительного завода. Мы сократили в 30 раз потребление электроэнергии. Если в 1963 году комбинат потреблял около 4% всей электроэнергии Советского Союза, то к 1985 году ее потребление сократилось до 1%.

Еще один факт – Виктор Новокшенов был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» за работу в военные годы. Орден Красной Звезды давали за участие в боевых действиях. Как нужно было отличаться на работе в тылу, чтобы получить за неё военную награду? Помимо этого он был лауреатом Сталинской премии, лауреатом премии Совмина СССР, имел два ордена Ленина, три ордена Трудового Красного Знамени, орден Октябрьской Революции. В Ангарске мне не приходилось встречать людей с таким количеством правительственных наград и до сих пор не могу получить ответ на вопрос: «Почему Виктор Федорович Новокшенов не почётный гражданин города Ангарска и почему он не Герой Социалистического труда?»

– Мы говорим с Вами о Викторе Федоровиче как о руководителе, но хочется узнать, каким он был в жизни, каковы его личные, человеческие качества.

– Он был компанейским человеком, общительным, внимательным. У директора было правило: с каждым прибывшим молодым специалистом он беседовал лично (а на тот момент, когда я приехал, на предприятии работало около тысячи человек!). Он обязательно интересовался, по-

чему человек приехал именно в Ангарск, откуда, какая у него семья, какое образование. Я был уже женатым человеком, поэтому сразу поставил вопрос о трудоустройстве супруги.

Как-то раз звонит директор и говорит: «Витя, мы решили тебя начальником цеха назначить. Но у тебя есть один недостаток». Я сразу понял, какой – я тогда не состоял в партии. Так, с его подачи, я стал членом КПСС. Мне было 36 лет.

Он старался развивать все стороны жизни, поэтому большое внимание уделял образованию, культуре и спорту. В те годы во Дворце культуры «Современник» был Клуб интересных встреч, которым руководила жена Виктора Федоровича – Нина Прокофьевна. Здесь можно было пообщаться с представителями литературы, спорта, искусства, артистами. Клуб посетили знаменитости: артисты Алиса Фрейндлих, Олег Ефремов, Олег Табаков, Наталия Белохвостикова, поэт Евгений Евтушенко, космонавты Борис Егоров и Георгий Гречко и многие другие. Сергей Герасимов снимал некоторые кадры фильма «У озера» в «Современнике». Помню, всех поразили пальмы зимнего сада Дворца. Мы сказали, что они нас греют в сибирские морозы.

В то время спорту уделялось огромное внимание. Спортивная команда «Ермак» существовала благодаря личной поддержке Виктора Новокшенова. Кстати, первый искусственный лед в городе появился в 1963-1964 годах, также по инициативе директора комбината. Была построена холодильная установка, разводка трубопроводов по спортивной площадке и градирня (тот старый фонтан, о котором так много говорят и пишут в последнее время, и в котором летом любили купаться наши ребяташки, когда холодильная установка работала). Очень больших усилий Виктору Федоровичу стоило провести у нас первый в Восточной Сибири международный хоккейный матч с Чехословакией. И ещё о его равнодушии к спорту говорит тот факт, что перед Олимпиадой в Инсбруке сборная СССР по конькобежному спорту тренировалась у нас на чистейшем сибирском льду, на катке лагеря имени Героев-космонавтов. И конькобежка Лидия Скобликова стала 4-кратной чемпионкой Олимпиады (предыдущие две медали завоеваны ею в 1960 году в американском Скво-Велли).

– Каким был самый ценный урок директора? Его любимая шутка?

– Любимая шутка Виктора Федоровича – о том, что человечество делится на худшую и лучшую половины. Лучшие – те, кто уже побывал на Байкале, худшие – кто там ещё не был. И каждый раз, с приездом гостей на комбинат, директор говорил, что мы увеличиваем лучшую половину человечества нашим сибирским гостеприимством.

А если серьёзно, то он научил меня правильно выстраивать кадровую политику. Виктор Федорович умел это делать, как никто другой. Он общался с людьми, спрашивал, какие у них проблемы, чем они живут, что нравится на предприятии; а что нет. Люди чувствовали заботу, которую о них проявляют, и старались работать лучше, активно участвовали в жизни коллектива... В то же время директор вольно или невольно узнавал, чем дышит коллектив, что его волнует, кроме производства. Сейчас, спустя многие годы, я понимаю, насколько ценным был для меня этот пример. В любом подразделении, будь это маленький отдел, цех, завод или комбинат, залог успеха предприятия – грамотная работа с кадрами. Цените людей, и они вам отдадут ваше внимание сторицей.

Беседовала Наталья Ожогина

ЧЕЛОВЕК И ГРАЖДАНИН с большой буквы!

Как же он был сердит на меня за то, что я, находясь в командировке в Институте атомной энергии им. Курчатова, на вопрос знаменитого ученого-физика академика И.К. Кикоина о его (Новокшенова) здоровье, сказал примерно следующее: «Все в пределах нормы, только на ноги немного жалуется». Отругал меня наедине и потом на оперативке у директора электролизного завода демонстративно так продекларировал: «Вот, смотрите, он представил меня перед Кикоиным инвалидом. Каково, а?»

Василий Изосимович Мурин,
из книги «Полвека в строю»

В июне 1980 года я был назначен главным врачом больницы №1 медсанотдела 28 (в народе - «комбинатовской»). Наши отношения с Виктором Федоровичем я бы поделил на две неравных части.

Часть первая. Отношения служебные, то есть отношения главного врача больницы и директора крупного и высокотехнологичного предприятия, на балансе которого находятся все здания и инженерные сети больницы, на них возложена обязанность обеспечивать больницу медицинским оборудованием, транспортом, а работников медсанчасти - жильем.

Понятно, что эти отношения уже по определению не могут быть простыми, и порой наши мнения не совпадали, но при этом надо отдать должное замечательному юмору Виктора Федоровича. Его отношение к медикам было всегда внимательным и терпеливым. В качестве примера приведу всего лишь один случай:

в отделении реанимации находился больной с тяжелой производственной ожоговой травмой, и Виктор Федорович приехал его попроведовать. Естественно, с ним приехали сопровождающие из отдела ОТ и ТБ, цеха и начальник медсанотдела. Отделением в то время заведовал Владимир Ильич Рабинович. Гости поднялись на 4-й этаж хирургического корпуса, ко входу в отделение реанимации. Услышав шум, Владимир Ильич подошел к дверям, и увидел несколько человек в уличной одежде и сказал, что их в таком виде в отделение пропустить не может, так как на отделение распространяется режим операционных. Гости, включая начальника медсанотдела, стали возмущаться, объясняя, что, мол, не видишь, кто пришел? Виктор Федорович их достаточно резко остановил, извинился, представился и очень спокойно, доброжелательно спросил, где можно переодеться. Построил всю свою команду и повел переодеваться, объясняя им, что они пришли не в кабак, а в «церковь».

Часть вторая. Отношения между мной как врачом и Виктором Федоровичем как пациентом. Эти отношения установились после определения всем известного диагноза. Виктор Федорович прекрасно знал свой диагноз. Меня удивило его мужество. Он очень достойно оценивал ситуацию. Не было никакой паники. Он выяснил, где лучше проходить лечение. Связывался со своими друзьями в Москве. Особенно меня поразило то участие, которое моментально проявил Евгений Александрович Евтушенко. Очень быстро с его помощью были решены все организационные вопросы, и Виктор Федорович улетел в Москву.

Насколько я знаю, были проведены консультации с английскими специалистами и был выполнен весь возможный объем лечения в сложившейся ситуации. После возвращения домой Виктор Федорович лечился в реанимационном и хирургическом отделениях медсанчасти. Своим мужеством, терпеливостью, культурой общения он поразил весь персонал этих отделений. Надо значит надо! Никаких капризов. Мой опыт работы в медицине и в должности онкохирурга, и заведующего отделением, и руководителя крупного лечебного учреждения позволяет сказать, что сущность человека проявляется наиболее выпукло в личной беде. Очень редко человек может справиться в подобной ситуации со своими нервами, сохранять объективную оценку складывающейся ситуации и при этом оставаться до конца сильным человеком, вызывающим у медицинского персонала глубочайшее искреннее уважение. Виктор Федорович не играл, он был очень достойным, мужественным, высокоинтеллектуальным человеком. Это абсолютно точно!

С глубочайшим уважением
к В.Ф. Новокшенову,
Олег Сергеевич Малов,
заслуженный врач России

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ НОВОКШЕНОВ – ФИГУРА КУЛЬТОВАЯ.

Под его руководством был построен мощнейший по советским временам атомный комбинат посреди тайги, возведена половина города Ангарска, в том числе не только жилье, но и объекты культуры и спорта, которые служат верой и правдой ангарчанам до сих пор. Стадион «Ермак», Дворец культуры «Современник», Еловское водохранилище, плавательный бассейн, медсанчасть, спортзалы, все школы и детские сады Юго-Западного района...

Есть ли кто-либо в Ангарске, кому не знакомо имя Виктора Новокшенова? В честь легендарного директора названа улица в «квартале», недалеко от которой он жил. О легендарном первом директоре рассказывает Анатолий Лавелин, бывший директор химзавода АЭХК, ныне пенсионер.

– Анатолий Алексеевич, сколько лет Вы отдали АЭХК?

– Я проработал на АЭХК всю свою трудовую жизнь – свыше 40 лет. Приехал в 1960 году с Урала, где окончил специализированный факультет. У нас в стране в то время существовало всего четыре таких факультета, которые готовили специалистов атомной отрасли: в Ленинграде, Свердловске, Томске, Москве. Я учился в Свердловске.

На АЭХК начинал свой трудовой путь мастером смены. А потом стал расти: начальник смены, замначальника цеха, начальник цеха. Работал по специальности 15 лет. В 1975 году стал председателем объединенного завкома-37 (это был объединенный комбинатовский завком). Попал в председатели по совету Виктора Федоровича. Причем «совет» был такой, что сразу понял – отступить некуда.

В то время я работал начальником цеха. Химик-технолог по специальности. А меня вызвали в партком, мол, надо заниматься общественной работой. Вначале я категори-

чески отказался. Хотел работать по специальности. А потом Новокшенов вызвал – и как в фильме: «Надо, Федя, надо».

Ну что делать? Я согласился. Поработал. А потом вернулся на завод.

– Как состоялось Ваше знакомство с Виктором Федоровичем? Какое впечатление он на Вас произвел?

– В первый раз я его увидел, еще будучи студентом, во втором или третьем корпусе электролизного завода. Там создавался участок по переработке гексафторида урана в тетрафторид. Участок был опытный. Новокшенов туда приехал на пуск. А у меня тема дипломного проекта как раз была с этим процессом связана. Вот так я впервые увидел легендарного директора, о котором тогда уже много говорили.

– Вы защитили диплом и пришли работать на комбинат. Какая на предприятии была атмосфера, как относились сотрудники к руководству? Ведь говорят, Виктор Федорович был необычный человек?

– Да, очень колоритный. Великолепно эрудированный, обладал прекрасной памятью. Институт окончил давно, только энергетиком по специальности. Но даже через много лет после окончания института с легкостью решал задачи по физике, математике. Знаю знакомых даже, которым он помогал.

– Когда Вы пришли на комбинат, начинали мастером. А на каком уровне стали работать с Новокшеновым напрямую как с руководителем?

– Когда стал начальником смены. Хотя в смену мало кто директора тогда видел, ведь смены были по 6 часов. Отработал – и домой. Но иногда виделись.

Помню, пришел смену принимать. До меня начальником работал Михаил Васильевич Сапожников. Он был на год старше меня, также приехал из Свердловска. Его перевели заместителем начальника другого цеха, а я пришел на его место. Я в первый раз смену принимал, а он мне говорит: «Ты подожди, не принимай, пойдешь на оперативку».

Два раза в неделю Новокшенов всегда проводил оперативки. И не в своем кабинете в управлении, а в кабинетах директоров заводов: электролизного или разделительного.

На совещании всегда присутствовали начальники цехов, главный механик, энергетик и приборист. Технический отдел готовил «простыни» такие с отчетами. Они, конечно, засекреченные были все, через первый отдел. Директор их изучал. А потом собравшиеся докладывали обстановку на предприятии. Там же, на месте, принимались решения, подписывались документы. И эти «два раза в неделю» были всегда, пока работал Виктор Федорович.

– Мы жили в годы быстрых перемен. Виктор Федорович был великолепным организатором любого процесса. Светлых умов на комбинате было много, но организовать тот же «китайский большой скачок» на заводе — это было под силу только ему. Он собрал руководителей всех рангов и предложил поработать с полной нагрузкой, получить наивысший КПД на всех участках, хотя бы три-четыре дня в неделю. Это привело к тому, что на химзаводе в 1972–74 годах было создано такое оборудование, аналогов которому нет за рубежом до сих пор.

М.В. Сапожников, главный инженер АЭХК
(январь 1995 года – октябрь 2002 года)

Когда его не стало, следующий директор Тихомолов отменил оперативки. Зря, конечно. Начались «официальные приемы» у директора. И стало хуже для всех.

– Виктор Федорович не боялся общаться с людьми напрямую, а не из директорского кресла, потому что сам хорошо ориентировался в любом вопросе?

– Да. Он разбирался буквально во всем, прекрасно все помнил и умел на месте принимать решения. Больше такого директора на комбинате не было. Его таланту руководителя удивлялись директора аналогичных производств и даже руководство главка.

А еще помню такой занимательный случай. Мы поехали делегацией на совещание в Кирово-Чепецк. Совещание было главковское, собирали представителей всех восьми предприятий. Нас встретили в городе Кирове, посадили в пазик и повезли в Кирово-Чепецк на предприятие. На сиденье рядом с Новокшеновым оказалась женщина. Так вот он, пока ехали 30 километров от Кирова до Кирово-Чепецка, читал ей в качестве развлечения поэму Евтушенко «Братская ГЭС». Знал наизусть!

Разбирался Виктор Федорович и в музыке, и вообще в искусстве. В конце 1970-х годов даже ввел на предприятии аттестацию сотрудников. Надо было пройти такой небольшой экзамен на общее развитие. Не по специальности, а просто на уровень знаний. Я тоже проходил аттестацию. И хорошо помню один курьез. Спрашивает Новокшенов у одного начальника цеха

– Кто такой Чайковский?

– Композитор.

– А что написал?

– Ну, музыку...

– Хоть одну оперу знаете?

– Нет...

– Ну ладно. Чайковского знаете, будем считать, что аттестованы.

– А еще из любви к искусству Виктор Новокшенов создал на комбинате шикарную картинную галерею...

– Да, приобрел. С этой галереей анекдот был. Одна из очередных приезжих финансовых комиссий постановила: картинная галерея на вредном производстве – это незаконно. Указали: убрать. Звонит мне в бытность мою председателем завкома Новокшенов.

И говорит: тут такое дело, нужно снять с учета предприятия галерею и поставить на баланс завкома. Было бы хорошо, если бы вы ее взяли.

Ну что? Состоялась официальная передача. И в итоге галерея в цехе, конечно, осталась, только уже числилась в завкоме. Проверяющие, понятное дело, уехали ни с чем.

– Известно, что Виктор Новокшенов очень любил спорт...

– Да. Виктор Федорович очень любил хоккей, в молодости в него играл. А еще занимался борьбой. Ведь он был такой крепкий, очень сильный физически. И, конечно, болельщик заядлый.

– Вы приехали вскоре после пуска комбината. Чувствовали поддержку как молодой специалист?

– Когда запустили все четыре корпуса, то АЭХК стал самым мощным в мире разделительным производством. И, конечно, для лучшего производства строились достойные социальные объекты. Людям были созданы все условия для работы. Молодых специалистов обеспечивали жильем – хоть комнату для начала, но обязательно давали. За этим пригляд был. И потом Виктор Федорович двигал молодых, если видел, что человек нормально работает и на производстве у него показатели хорошие. Но за нарушения наказывал. Прилично наказывал. Что делать? Не нарушать. Порядок есть порядок.

Помню, свой первый выговор я в 1962 году получил. «Шлепнули» потому, что технически сделал все правильно. А по сути – нет. Надо было безводный фтористый водород закачать в испарители и передать на фторное производство. А безводного фтористого водорода соответствующего качества не было – в одной из емкостей брак был. Я не передал. Из-за этого испарение прекратилось, и остановилась работа в соседнем цехе.

– Говорят, Новокшенов был настолько ответственным и равнодушным руководителем, что объезжал по вечерам после работы жилые кварталы «атомного городка»?

– Да. Объезжал. Когда я в завкоме работал, у нас организовывали соревнования между подразделениями. Раз в квартал вручали переходящие знамена победителям, тем, чьи дома лучшие. А как выбрать победителей? Ездили на машине, смотрели. Едем по дороге, осматриваем, а потом

подъезжает машина к цеху, Новокшенов просит телефон. Звонит и говорит: я вот тут сейчас проезжал, а у вас света нет, и вон там провод висит...

– Как директор успевал за всем следить?

– У него был свой метод. Виктор Федорович никогда не кричал и не ругался. Просто доступно объяснял. И говорил, что когда людям понятно – они начинают делать. Он очень спокойно все объяснял. В 1969 году меня только назначили начальником цеха, а в начале октября произошла у нас серьезная авария. Один работник вылил себе на грудь кислоту. Поскольку я был начальником цеха, приехал первым разбираться, выяснять причину. Немного погода приезжает Новокшенов с начальником отдела техники безопасности Вадимом Петровичем Чувашовым. Ну что, как? Я рассказал. Страшно было. Серная кислота попала на батарею, разогрелась, пошла реакция. Такая, что аж двери на улицу вылетели. Пока разговаривали, приехал главный инженер комбината Парахнюк. Он был фронтовик, нервы ни к черту. Как увидел это дело – начал заводиться. А Новокшенов его берет под руку и говорит: «Иван Сафронович, поехали. Тут без нас разберутся».

– А еще все знали Новокшенова как большого весельчака...

– Да, анекдотичных случаев масса. Он шутки понимал и умел пошутить. В седьмом здании в 1960 году отработывали фторные электролизеры. И работал там один из аппаратчиков, что приехал с ним еще из Новоуральска.

Так вот, фторное производство очень взрывоопасно, поскольку там выделяется водород. И курить, понятно, категорически запрещалось. А этот товарищ втихаря закурил. Смотрит – Новокшенов идет. Куда сигарету девать? Спрятал в

карман и держит. Держал, держал... Рука горит. А директор не уходит, спрашивает, как дела. И руку здороваться протягивает. Аппаратчик бедный и так, и сяк. Как директору руки не подать? И больно, хоть вой... Тогда Новокшенов говорит: «Да достань. Я видел же». Как говорится, немая сцена...

А еще он умел тонко влиять на подчиненных. Тоже не без помощи юмора. Были у нас в советское время такие торжественные собрания. Так вот, там обязательно должны присутствовать все начальники подразделений комбината. А скука страшная... Ходить, конечно, не хотели.

Но директор сказал – и все идут. Дело-то ведь партийное. И вот проходит в «Современнике» собрание. Народу – полный зал. Новокшенов пристально на всех смотрит. И вдруг говорит, что не видит одного начальника цеха. А и просит меня: «Глянь». Я тоже посмотрел. Ну нет его.

Он не успокоился. Встал, пошел в холл, к телефону. И звонит этому начальнику домой.

– Иван Иванович, здравствуйте, как здоровье?

Тот ничего понять не может. Директор звонит, о здоровье отчего-то спрашивается...

– Да нормально...

– А я думал, ты приболел. У нас торжественное собрание, а тебя нет...

Больше тому начальнику не надо было звонить. На всех собраниях был как штык.

– Сотрудники Виктора Федоровича уважали. А начальники главка, для которых он был подчиненным?

– Генерал главка считал Новокшенова «партизаном». За то, что он первым ввел пятидневную рабочую неделю. А через некоторое время ввели постановление правительства о переходе на пятидневку для всех. Какие бы ни были отношения с главком – плохие или хорошие, на комбинате они никак не отражались.

В то время ходили слухи, что Виктору Федоровичу, когда комбинат уже стабильно работал, много раз предлагали перейти на работу в главк. Но он даже ради жизни в Москве не оставил самый мощный в мире комбинат посреди сибирской тайги, который построил с первого кирпича. Он был по-настоящему государственным человеком. И на нем держалось и производство, и целый район города.

Записала Яна Архипова

ОН ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗДВИГ

***

Надо сказать, что забота о трудящихся была сильной и последовательной чертой Новокшенова. Цветущая оранжерея южных растений на промплощадках, картинная галерея в цехах, первая в Советском Союзе пятидневная рабочая неделя – что только ни задумывал предприимчивый директор в неустанной заботе о трудовых коллективах.

Люди относились к нему с величайшим уважением и признательностью, любили слушать и рассказывать о нем, он был для них отцом родным.

В далекие шестидесятые горожане дружно ходили на игры чемпионата СССР по хоккею поболеть за любимую заводскую команду «Ермак». Перед входом на стадион велась бойкая торговля шашлыками под водочку. Болельщики кучковались за небольшими столиками и при появлении Новокшенова наперебой зазывали его угоститься. Он переходил от столика к столику, не отказываясь от рюмочки, и заводил с людьми короткие оживленные разговоры. С рабочим народом он умел быть на короткой ноге.

Технологическое подразделение КИУ, в котором я приступил к работе сменным технологом, размещалось в здании 3, и с наращиванием газодиффузионного производства его мощности, соответственно, были превышены по сравнению с проектными в 14 раз! Отсутствие опыта эксплуатации беспрецедентно крупного диффузионного производства со временем поставило комбинат в сложное положение. Из-за недостаточной герметичности оборудования корпусов в КИУ захлебывались вакуумные насосы, часто разрывались с выбросами газа технологические емкости, истошно вопили sireны радиационной безопасности. «Сердце завода» было изношено до предела. В сложных аварийных ситуациях директор лично выезжал на место. Вспоминается одна из аварий в здании 3б. Ночью произошел большой выброс газа, и директор в числе

Удивительна сила воздействия феноменальных личностей на тех людей, с которыми они шли рядом по жизни. За долгую производственную, партийную и государственную работу мне довелось встречаться с крупными руководителями различных рангов, но из всей этой замечательной когорты лишь двое поразили мое воображение исключительными природными дарованиями и яркой публичной деятельностью. Один из них - Виктор Федорович Новокшенов, тридцать лет стоявший у руководства АЭХК.

Строительство, пуск, становление атомного комбината – это все он, Новокшенов. Его миссия – в том приращении ядерного потенциала СССР, который обеспечил стране паритет с Вооруженными силами США. Для решения этой важнейшей задачи государственной безопасности ядерный гигант на Ангаре ряд лет был самым энергоемким предприятием мира.

В 1963 году я в составе группы студентов УПИ прибыл на АЭХК для дипломирования. Здесь же состоялась защита моего дипломного проекта, на которой председателем Государственной комиссии был Новокшенов. После защиты диплома на «отлично» я обратился к директору

с просьбой о трудоустройстве, сообщив при этом, что по распределению мне предстоит ехать в город Свердловск-44. Виктор Федорович заверил, что примет меня на работу. «Мне, конечно, в министерстве достанется по шее, - добавил он, - но видишь, какая она толстая, выдержит». В подтверждение сказанному он наклонил голову и похлопал рукой по могучей шее. Эту шею можно и нынче увидеть в первых кадрах фильма С. Герасимова «У озера», в котором службы безопасности не разрешили режиссеру заснять директорское лицо.

Получив в УПИ диплом, я заявил заведующему кафедрой Г. Щеголеву, что поеду работать в Ангарск. «Ну что ж, лучше Сибирью начать, чем ею кончить», - философски напутствовал он меня.

первых приехал на завод. Перед входом в здание он надел противогаз и ринулся в помещение. Но на такую крупную голову трудно было подобрать противогаз подходящего размера. Виктор Федорович выбежал обратно, стащил с головы чересчур тесное средство защиты, зашвырнул его в угол и снова ринулся туда, в урановое облако. Таков был директор. Годами пришлось вытягивать комбинат на уровень штатного технологического режима, но под его руководством это было сделано.

***

Он был мудр и пользовался среди командного состава предприятия беспрекословным авторитетом. На совещаниях, планерках говорил тихо, вокруг стояла полная тишина, и никто ничем не смел ее нарушить. Ему не надо было повышать голос, чтобы оказать на людей какое-то дополнительное воздействие.

Натура Виктора Федоровича была многогранной, он обладал огромным объемом знаний, а на его доклады по общественным или социальным вопросам в ДК «Современник» люди шли с удовольствием, зная, с каким остроумием и юмором он обыгрывает отдельные моменты своей речи.

Прославленные творческие коллективы, корифеи науки, искусства, звезды эстрады и спорта в разные годы блистали на сцене ДК «Современник». Незабываемым было концертное выступление Беллы Ахмадулиной. Она вышла на сцену и как-то странно стала водить перед собой руками, словно раздвигая невидимые туманы. Зал замер, созерцая создание оригинального сценического образа.

«Идут белые снеги...» - проникновенно начала она свой стих и многозначительно замолчала. Потом еще дважды начинала читать, но каждый раз – без продолжения, тихо извинилась и покинула сцену. Ведущий объявил, что поэтесса испытывает сильное переутомление, и ее выступление отменяется. На следующий день поползли слухи, что Ахмадулина не выдержала щедрого директорского застолья и частично утратила способность управлять собой.

***

Следующий этап взаимоотношений с Виктором Федоровичем наступил с моим переводом на партийную работу. Мои приезды на комбинат совершались, как правило, по приятным поводам: участие в торжественных собраниях, вручение переходящих Красных Знамен за успехи в соревновании и так далее. Много забот доставляли программы оказания помощи селу, но и здесь директор организовывал безупречное исполнение заданий партийных и советских органов. А с наступлением летнего сезона он выставлял в своем кабинете вилы и грабли, давая понять каждому посетителю о его доле ответственности перед селом.

Затем он тяжело заболел. Мы с первым секретарем обкома В. Ситниковым приехали в медсанчасть навестить директора, имя которого еще при жизни стало легендой. Он вышел навстречу из палаты при поддержке врача, с трудом удерживаясь на ногах. Припал к плечу руководителя

области и слабым голосом повторял: «Все силы отдал, все силы...» Они стояли, обнявшись, почти без слов, понимая, что эта встреча - последняя. Вскоре с Виктором Федоровичем прощался весь комбинат, весь город. Люди не могли сдержать слез. В час предания земле того, кто стал для меня кумиром, кто выглядел в моих глазах исполнением, глыбой человеческой, состоялась моя прощальная речь, самая трудная, самая тяжелая.

***

Мне часто приходится бывать в жилом районе АЭХК, встречаться с товарищами по прежней работе. Здесь многое напоминает о первом директоре, который любил жизнь и все делал для того, чтобы для жителей городка она стала краше, добротнее. Ведомственные детские садики – лучшие в городе. На торцах ряда жилых зданий – огромные мозаичные изображения, отражающие исторические вехи развития России. После ввода в строй ресторана «Баргузин», оказавшегося слишком шикарным для своего времени, Комитет народного контроля РСФСР вознамерился вынести Новокшенову взыскание за расточительство народных средств. Директор и здесь шел впереди времени. Открытый водный комплекс с десятиметровой вышкой для прыжков привлекал на песчаные берега весь Ангарск. Здесь на плавательных дорожках директор наравне со всеми сдавал нормы ГТО.

Подлинным детищем Виктора Федоровича стал ледовый спортивный комплекс «Ермак». Поначалу это была деревянная коробка, затем появился искусственный лед, где блистали лидеры мирового конькобежного спорта, члены сборной СССР. Наконец, над полем было возведено бетонное сооружение с трибунами и вспомогательными помещениями, после чего мечтой директора стало завершение строительства крытого ледяного Дворца.

Считаю, что этот великолепный комплекс, который был заложен и выпестован Виктором Новокшеновым, должен быть назван его именем. Уверен, что эта идея будет горячо поддержана всеми ветеранами и нынешним поколением тружеников АЭХК, в сердцах которых будет вечно жива память о своем первом директоре.

Александр Ведров,
ветеран АЭХК

О ВЕЛИКОМ БЕЗ ПРИКРАС

Впервые эту фамилию я услышал 5 августа 1956 года в Москве, в управлении кадрами Минсредмаша, где после окончания Куйбышевского индустриального института получал назначение. Кадровик так и сказал: «В «хозяйство» Новокшенова очень нужен теплоэнергетик». И вот 22 августа директорская «Победа» везла меня с Майского вокзала на улицу Октябрьскую, в отдел кадров предприятия п/я 79.

Определили меня в ПТО управления капитального строительства инженером-куратором энергетических объектов. С 1958 года «моим» главным объектом стала строящаяся ТЭЦ-10, на которой оперативки проводились два раза в неделю, и проводил их сам Виктор Федорович.

Виктор Федорович был по специальности энергетиком, поэтому, как говорится, сам Бог велел ему больше других заниматься вопросами строительства ТЭЦ.

А ещё и потому, что в тот период ТЭЦ была наиважнейшим объектом, от которого зависел ввод в работу технологии предприятия. Впрочем, Виктор Федорович был компетентен не только в энергетике, но и во всех других сферах деятельности предприятия. Его исключительные организаторские способности, воля и уверенность в принимаемых решениях, многогранность натуры поражали всех, кто в той или иной степени имел с ним взаимоотношения. В целом, контакт с таким колоссом, как Новокшенов, обогащал каждого.

Хочу рассказать о тех моментах, которые, по

моему мнению, в полной мере отражают всю сложность человеческих взаимоотношений, рассказать откровенно и непредвзято.

После окончания строительства ТЭЦ-10 я перешел из УКСа в отдел главного энергетика. В январе 1964 года на тепломагистрали, снабжающей теплом жилой район, возникла аварийная ситуация. Место аварии находилось в непосредственной близости от управления предприятия, поэтому в считанные минуты на месте аварии были буквально все, в том числе Виктор Федорович, главный энергетик Александр Иванович Рыбинцев и я как работник отдела главного энергетика, занимающийся вопросами эксплуатации тепловых сетей. Директор попросил главного энергетика доложить о принятых решениях.

После этой информации неожиданно даже для самого себя я заявил об ошибочности решения по прекращению горячего водоразбора в жилом районе. Директор попросил меня пояснить, после чего предложил Александру Ивановичу идти заниматься «своими делами», а на меня возложил организацию переключений и ликвидации аварийной ситуации. В результате при отключенной циркуляции в жилом районе в течение 5 часов не поступило ни одной жалобы на холод. После этого главный энергетик при необходимости рассмотрения у Виктора Федоровича сугубо теплоэнергетических вопросов «прихватывал» меня с собой, как он говорил, на всякий случай.

В 1966 году я по воле случая возглавил профком управления комбината, и неизбежными стали контакты с директором по общественной работе. Приближался день отчетно-выборной конференции коллектива управления. Из-за дефекта речи я избегал публичных выступлений. А тут выступление с отчетом перед делегатами. В президиум конференции, конечно же, был избран и В.Ф. Новокшенов. Подготовленный мной доклад был немногословным. До сих пор помню, с каким чувством обреченности выходил я к трибуне.

10 мая 1987 года умер Виктор Федорович Новокшенов. Прощание проходило в ДК «Современник». У входа был установлен щит с моим стихотворением.

Памяти В.Ф. Новокшенова

Нет смысла правду нам скрывать:
В сердцах давно жила тревога,
Но так хотелось не читать
Как можно дольше некролога.

Виктора Федоровича нет –
Болезнь взяла свое в итоге.
Мы смотрим скорбно на портрет,
Читая строки в некрологе.

Ушел из жизни человек,
Служивший нам во всем примером.
Он был, прожив достойно век,
В делах во многих пионером.

Виктора Федоровича нет –
Плодам трудов не будет тризны.
Остался его яркий след
Как сына верного Отчизны.

В последний миг, прощаясь с ним,
Остановите сердца стук вы.
Навечно память сохраним
О Человеке с большой буквы.

После выступления не успел сесть, как встал директор и сказал буквально следующее: «Я впервые услышал короткий, но яркий и по существу сделанный доклад. Учитесь!» Так благодаря Новокшенову я излечился от мучившего меня комплекса.

Следующий памятный случай произошел также при неординарной ситуации. В начале 1977 года на водозаборе комбината по невыясненным причинам стало затопливаться здание насосной станции. Возникла реальная угроза остановки комбината. Вскоре удалось установить, что из-за снижения расхода воды в ручье Грязнушка вследствие перехода ТЭЦ-9 на рециркуляцию в системе гидрозоудаления замерз дюкер под автодорогой, по которому отводилась Грязнушка. Ручей пробил дамбу в месте прежнего естественного русла и стал затопливать насосную станцию.

В разгар работ по ликвидации аварийной ситуации мы оказались трое: В.Ф. Новокшенов, главный инженер комбината В.И. Дрождин и я. Виктор Федорович находился непосредственно в передвижной будке, а мы снаружи. У меня возникла идея: для восполнения объема теплых стоков по Грязнушке открыть аварийный сброс в неё из колодца промливневой канализации. Стоя на лестнице перед дверью будки, я изложил свою идею директору. Реакция последовала мгновенная (излагаю без купюр): «Надо думать головой, а не ... Вся вода пойдет на насосную, затопливая ее еще больше».

О, мой язык и любимая поговорка! И я ответил: «Коню понятно, что сначала надо ликвидировать затопление...» Договорить я не успел – Новокшенов схватил меня за полу пальто и со словами «Ты кому говоришь «коню понятно»?!» швырнул в снег. Удивительно, но и в этот раз со стороны директора никакой, казалось бы, неизбежно «адекватной» реакции не последовало. Подозреваю, что он, услышав пояснение к идее, моментально изменил свою оценку моих умственных способностей.

Не могу не рассказать о «групповом» контакте с Виктором Федоровичем, связанным с КВН. На встрече КВН между командами энергетиков и командой электролизного завода АЭХК была произнесена фраза: «Люблю чеснок - он колбасой пахнет», за которую команда энергетиков была снята перед финалом с формулировкой «за низкий идейный уровень». Это была предыстория. На другой день после КВН был созван партком комбината, на который вызвали меня как автора сценария и режиссера команды, С. Арбитмана, соавтора и члена команды, и административного руководителя команды О. Попова.

Все трое мы были в тот период членами КПСС. Первым взял слово Виктор Федорович. Начал он своё выступление следующими словами: «Антисоветчик не тогда опасен, когда он выступает открыто, а тогда, когда он скрывается под маской члена КПСС». С лёгкой руки директора у меня появилась кликуха «Антисоветчик», что в тот период было серьёзным клеймом. До сих пор считаю то партийное судилище абсурдом и нахожу только одно объяснение: команду, которую мы фактически обыграли, опекала супруга Виктора Федоровича Нина Прокофьевна.

Слава Богу, мой «антисоветизм» не сказался на моем служебном положении, да и директор, очевидно, понимал абсурдность обвинений, поскольку уже вскоре благодарил меня за организацию театрального вечера, посвященного 25-летию комбината (вечер был поставлен по написанному мной поэтическому сценарию, включающему песню о комбинате).

Говоря о несомненном колоссальном вкладе Виктора Федоровича Новокшенова в строительство и становление одного из градообразующих предприятий Ангарска, создание инфраструктуры города, отмечая многогранность его личности, широту и глубину его знаний, способностей, нельзя забывать о том, что при всей своей исключительности он был человеком со свойственными любому из нас чертами. Режим секретности, действующий на руководимом им предприятии, невольно породил тип взаимоотношений, построенный по принципу «я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак». Естественно, этот принцип иногда проявлялся и во взаимоотношениях Новокшенова с подчиненными. Конечно, это не может умалять заслуг Виктора Федоровича перед комбинатом, городом и страной. Более того, считаю, что переименование в его честь второй ступенной улицы «квартала» – далеко не адекватная оценка его заслуг. Кто такие в наше время Маркс и Энгельс для города? И кто для города Новокшенов Виктор Федорович! Спросите об этом у нынешнего поколения ангарчан, тысячами едущих летом на Еловское водохранилище, созданное по личной инициативе В.Ф. Новокшенова. Спросите у болельщиков хоккейной команды «Ермак», созданной нашим директором!

Вот поэтому предлагаю в честь 100-летия со дня рождения Виктора Федоровича Новокшенова переименовать улицу Энгельса в улицу Новокшенова. А нынешнюю улицу Новокшенова можно также переименовать, пусть даже в улицу Энгельса.

**Игорь Петрович Витушкин,
заслуженный работник АЭХК,
ветеран атомной промышленности,
бывший заместитель главного энергетика**

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР

...Ну вот и остались мы с тобой вдвоем. Витя с Мариной ушли к себе, Коля на чердак, на раскладушку, Лариса в детскую, а Вера Федоровна в нашу спальню. Завтра тяжелый день, и выдержать его нам всем нужно достойно. Но где взять сил?

Я осталась с тобой на всю ночь, так как никому не хочу отдавать тебя. Теперь неизвестно, когда встретимся. Знаю, что ты, как и я, любил те часы, когда мы были вдвоем. Мы ведь умели разговаривать молча. Это была какая-то мистика. В машине ли, когда мы ездили за Култук к леднику, или на берегу Черного моря в Судаке мы могли одновременно запеть одну и ту же песню или, повернувшись друг к другу, задать один и тот же вопрос.

***

Судьба свела нас взрослыми в санатории Трускавца в апреле 1959 года.

Я оканчивала Ленинградскую Высшую партийную школу, и у меня 21 мая начинались госэкзамены. Но камни в печени и почках так вымотали мое здоровье, что врачи настояли, чтобы я уехала на лечение, и если не поможет Трускавец, то придется делать операцию. Собрав студенческий чемоданчик, книги и билеты по истории партии, 24 апреля я приехала поездом в Трускавец.

А 26 апреля нам за стол в обед посадили вновь приехавшего, который представился, что он прилетел сегодня из Сибири и зовут его Виктор Федорович. Были сказаны полагающиеся в данной ситуации слова с пожеланиями успешного лечения и выздоровления. Я начала мучительно перебирать в уме, где я могла его видеть. Фигура была довольно колоритная. Он чем-то напоминал Пьера Безухова: высокий, объемный, молодежный чубчик и в то же время какое-то дипломатическое обаяние. Очень добрый взгляд сквозь очки.

Так как у меня было занятие – учеба, то, быстро проглотив обед, я ушла заниматься. За ужином, когда сидели друг против друга, я опять подумала: где я видела этого человека? Зная, что пока не отвечу на этот вопрос, буду мучиться, я и спросила:

- Скажите, пожалуйста, вы не были на комсомольской или партийной работе?
- Нет, я хозяйственник.
- А в Ленинграде вы бывали?
- Да, в командировке.

И вот тут у меня, как в кино, перед глазами проплыла одна картина, и я рассказала. Ехала я к подруге на Васильевский остров, на десятом номере троллейбуса, сидела у окна, был сентябрьский теплый день. На углу Невского и Садовой улицы, около Елисеевского магазина, троллейбус остановился перед красным светофором, и я, глядя на улицу, обратила внимание на человека в светлом плаще, в руках он держал коробку конфет, очевидно, кого-то ждал. Он стоял, как колосс, и толпа обтекала его справа и слева. Я видела, как к нему подошел худощавый мужчина с папкой в руках. Они сразу же пошли через Невский, к Пушкинскому театру. Выяснили: ты действительно был в Ленинграде с директором ТЭЦ И.С. Тюменевым, и шли вы с ним в театр на спектакль. Как после выяснилось, ты очень любил театр, особенно оперу, так как твои детство и юность прошли в Свердловске, а там великолепные опера и оперетта. А город, в котором ты жил сейчас, был молодой, вновь строящийся, и ни театров, ни музеев в нем еще не было.

В свободное время, когда бывал в командировке, и позже ты всегда ходил в театры.

***

Мы ежедневно пили «Нафтусю» вместе. Ты меня так «гонял» по вопросам из билетов, что один раз даже заспорили по крестьянскому вопросу, и пришлось идти в библиотеку брать работы Ленина и материалы съездов.

Во время занятий было много курьезов. Однажды Ольга Ивановна подседа к нам и говорит, что отдыхающие решили узнать, о чем же мы говорим целыми днями. И один из тех, кто за нами следил и подслушивал, сказал, что ничего интересного нет, так как они все время спорят о политике. На что Ольга Ивановна ему сказала: «Ничего вы не понимаете. У них совсем другое дело — это любовь!» Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись. Но символично, что словосочетание «совсем другое дело» вошло в нашу жизнь очень прочно, так как для того, чтобы быть убежденным, что письмо написано тобой или мной, эти слова обязательно влетали в текст, ты тогда настоял на этом.

После этого разговора я стала тебя сторониться. Я поняла, что это действительно может быть так. А ты поражал меня все больше и больше. Однажды мы пошли к озеру. Там опять были одни и те же вопросы истории, а на обратном пути ты вдруг остановился в каштановой аллее и запел второй акт из «Евгения Онегина». Пел за всех: за Ленского, Ларину, Онегина, гостей и так до конца. Меня поразило знание текста, партитуры при полном отсутствии голоса. Как можно было петь, не знаю, но было очень красиво.

Ты всегда говорил, что занимал второе место по отсутствию голоса в Свердловске. Хуже тебя пел только Сережка Пагановский. И действительно, ты пел только две песни правильно. Одну из них ты очень любил: «Рябина кудрявая», а все остальные песни пел на мотив песни «Три танкиста». Была еще одна песня, которую ты мне пел, когда я на тебя была сердита. Ты подходил ко мне, брал меня за плечи и начинал петь: «Но счастлив лишь тот, в ком сердце поет, кто рядом с любимым идет». Эта песня нас сопровождала везде: и в Трускавце, и в Ленинграде. Она была шлягером тех лет.

Второй раз ты меня основательно удивил, когда мы ездили в Дрогобыч на экскурсию и зашли в ресторан пообедать, ты взял и вылизал тарелку из-под холодной закуски. Я решила, что ты меня проверял, но в тот момент мелькнула мысль, что такой человек не может быть плохим.

Время пролетело быстро. Я должна была уехать 18 мая, а ты 22-го. Прежде чем уехать мне, ты взял с меня слово, что я пришлю телеграмму, как пройдет 21 мая экзамен. Ты проводил меня до Львова. Целый день бродили мы по городу, любовались его собором, парками, скверами и памятниками Адаму Мицкевичу. Когда уже и поезд тронулся, ты вдруг крикнул мне: «Я обязательно приеду!» На вокзале меня встречала Оля, сокурница, с которой мы жили в общежитии. Естественно, я ей все рассказала. И когда 22 мая ты постучал в дверь и появился на пороге, немного растерянный, то Оля сказала: «А я вас таким и представляла по рассказам Нины».

***

Мы всю ночь бродили по Ленинграду и говорили, говорили... А говорить было о чем. То, что мы полюбили друг друга, было ясно обоим, но оба мы были не свободны. Я разошлась с мужем, но официально наш брак не расторгнут.

У тебя была очень больная жена, и начать тебе разводный процесс было бы для нее смертельным ударом. Мы не были с тобой близки, но страшно было обоим, что вот наступит минута, когда ты сядешь в поезд Ленинград — Москва, и мы навсегда потеряем друг друга. И вдруг ты остановился у Аничкова моста и сказал: «Если родишь мне сына, я тебя на руках внесу в Смольный и буду молить о том, чтобы тебя не третировали». У тебя не было своих детей, и ты воспитывал сына Инны Петровны. И опять мы шли по Ленинграду, любовались белыми ночами, цветущими каштанами, у Казанского собора потрогали каждую колонну, как бы прося Всевышнего помочь нам.

***

Сколько же ты успел сделать!

А сколько еще не успел? Ты всегда сокрушался, что не успел картинную галерею вынести в «квартал», и дети не видят работы настоящих художников. Место для музея великолепное есть — визави «Современнику» через парк с видом на реку Китой и Саяны.

Не успел сделать альбом картинной галереи, с портретами и биографиями художников — было бы великолепное подарочное издание.

Не успел издать сборник стихов поэтов комбината: Б. Рыбинцева, С. Кошелева, С. Девятова, А. Беловой, Н. Галабурды, И. Витушкина и многих других.

Не успел поставить крышу над хоккейным кортом, о которой вы так мечтали с Юрой Беланом.

И, как ты шутил, не успел снять более 35 выговоров разных руководящих организаций, от министерства до Ангарского горкома партии. Ну не успел!

А еще ты не успел поздравить Колю с защитой диплома, он защищался только 22 мая. Ты так ждал этого дня!

Светает. По-моему, пришли Витя с Мариной. Прощай и прости, так мало мы поговорили...

Ночь с 12 на 13 мая 1987 года

Из книги Нины Прокофьевны Новокшеновой

«Мы жили в неизвестных городах»
Глава публикуется с сокращениями

РАСКРАСИЛ БУДНИ

Одна из изюминок АЭХК – картинная галерея на промышленной площадке. Это была идея Виктора Федоровича – раскрасить будни. Картины для галереи он начал скупать в конце 1960-х у художников Иркутской области. В итоге их набралось около пятисот.

Удивительно, но В.Ф. Новокшенов часто выбирал именно те картины, авторы которых впоследствии становились знаменитыми. К примеру, в коллекции есть полотна Заслуженного художника РСФСР Бориса Лебединского и Александра Шаталова, члена Союза художников СССР. Это сейчас их работы выставлены во многих музеях России, а тогда все только начиналось. Сегодня галерея на пром-площадке – это не только память о народном директоре, но и живописное свидетельство великой истории нашей страны. К сожалению, в рамках данного издания мы не можем познакомить вас с каждой картиной, но рады представить хотя бы их малую часть. И очень надеемся, что еще одна мечта Виктора Федоровича Новокшенова сбудется, и когда-нибудь будет издан полный альбом-каталог заводской картинной галереи!

Сееляндин А.В. «Сарминское ущелье»

Лебединский Б.И. «Плач Ярославны»

Кукуйцев В.В. «Город на Оми»

Лебединский Б.И. «Утесы Анги в бухте Анга»

Сосновская А.Е. «Подруги»

Гуменных М.В. «Рыбацкий поселок»

Шаталов А.И. «Байкал. Сахюртэ»

Шаталов А.И. «У сельского клуба иней»

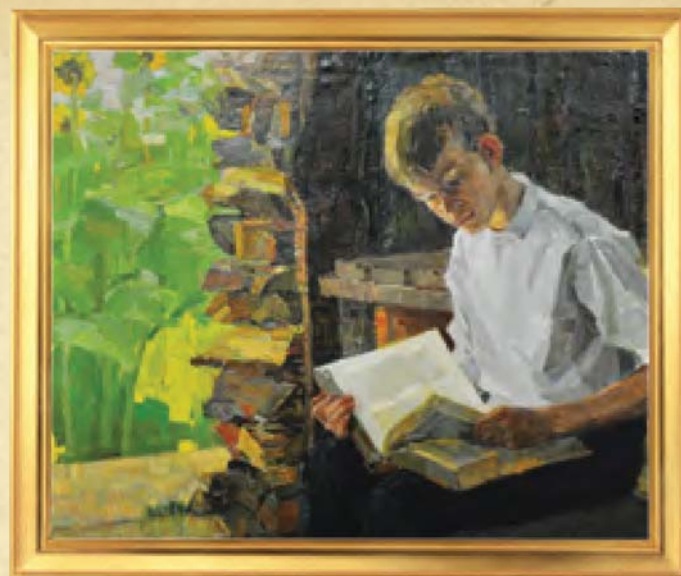

Богданов Г.В. «Возвращение с промысла»

Развозжаев С.М. «В сельсовете»

Юшков И.Е. «Портрет мальчика»

Закиров «Натюрморт с грибами»

Алексеев А.И. «Редис»

Развозжаев С.М. «Лиственичное»

Шаталов А.И. «Дом Евтушенко»

Горохов Н. «Сирень»

Симонов Е.С. «Сибирский натюрморт»

Вычугжанин А.И. «Портрет Героя Социалистического труда Моторного И.В.»

Богданов Г.В. «На восточной границе»

Пятков А.А. «Ранняя весна»

Терехова Н.М. «Кружевница»

Шаталов А.И. «Подсолнухи»

Чурсин В.А. «Портрет рабочего»

Воеводин К.Б. «Хоккейный корт «Ермак»

Костина Н.В. «Пшеница»

Терехов Н.М. «Улица Социалистическая»

Шаталов А.И. «На Енисее»

Развозжаев С.М. «Лэповцы»

Вдокин «Правый створ»

Конов Е.А. «Усть-илимский роман»

Сгибнева Л.М. «На обед»

Конеv Е.А. «К председателю»

Конеv Е.А. «Начало жизни»

Юшкова А.Г. «Тревога матери»

Конев Е.А. «Якутская мадонна»

ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ НОВОКШЕНОВ
Народный директор

Профсоюзный вестник. Специальное издание, посвященное 100-летию со дня рождения Виктора Федоровича Новокшенова, первого директора Ангарского электролизного химического комбината

В издании использованы материалы из книг: Нины Прокофьевны Новокшеновой «Мы жили в неизвестных городах»; «АЭХК: полвека в строю» (Автор-составитель А.К. Лаптев), а также публикации из «Профсоюзного вестника» и периодической печати.

Редколлегия благодарит всех ветеранов АЭХК, участвовавших в работе над данным изданием:
Аллу Максимовну Белову, Виктора Алексеевича Житова, Геннадия Сергеевича Кондобаева, Виктора Поликарповича Орцева, Игоря Михайловича Ванина, Александра Александровича Козлова, Анатолия Алексеевича Лавелина, Михаила Петровича Ткаченко, Игоря Петровича Витушкина.

А также выражаем огромную благодарность Виктору Пантелеймоновичу Шопену, почетному гражданину города Ангарска и депутату Законодательного собрания Иркутской области; Александру Андриановичу Белоусову, генеральному директору АО «УЭХК»; Ларисе Анатольевне Давыдовой, директору Музея Победы; Олегу Сергеевичу Малову, заслуженному врачу России; Светлане Щелкиной, специалисту ведущему ОСО АО «АЭХК»; Яне Архиповой, журналисту газеты «Свеча».

Издание первичной профсоюзной организации АО «Ангарский электролизный химический комбинат»
Российского профсоюза работников атомной энергетики и промышленности.

Автор и руководитель проекта – Алексей Александрович Мартынов.
Кураторы проекта – Наталья Станиславовна Лузина и Александр Алексеевич Елецкий.
Телефон: 59-98-19.

Е-mail: ppoaehk@gmail.com.
Адрес: г. Ангарск, 179 квартал, ППО АО «АЭХК».

Издатель – ООО «Бизнес Партнер».
Редактор – Елена Дуденкова.
Телефоны: 8902-511-28-72, 68-69-17.
Е-mail: evdudenkova@yandex.ru.
Адрес: г. Ангарск, 178 квартал, дом 11.

Тираж 500 экземпляров.